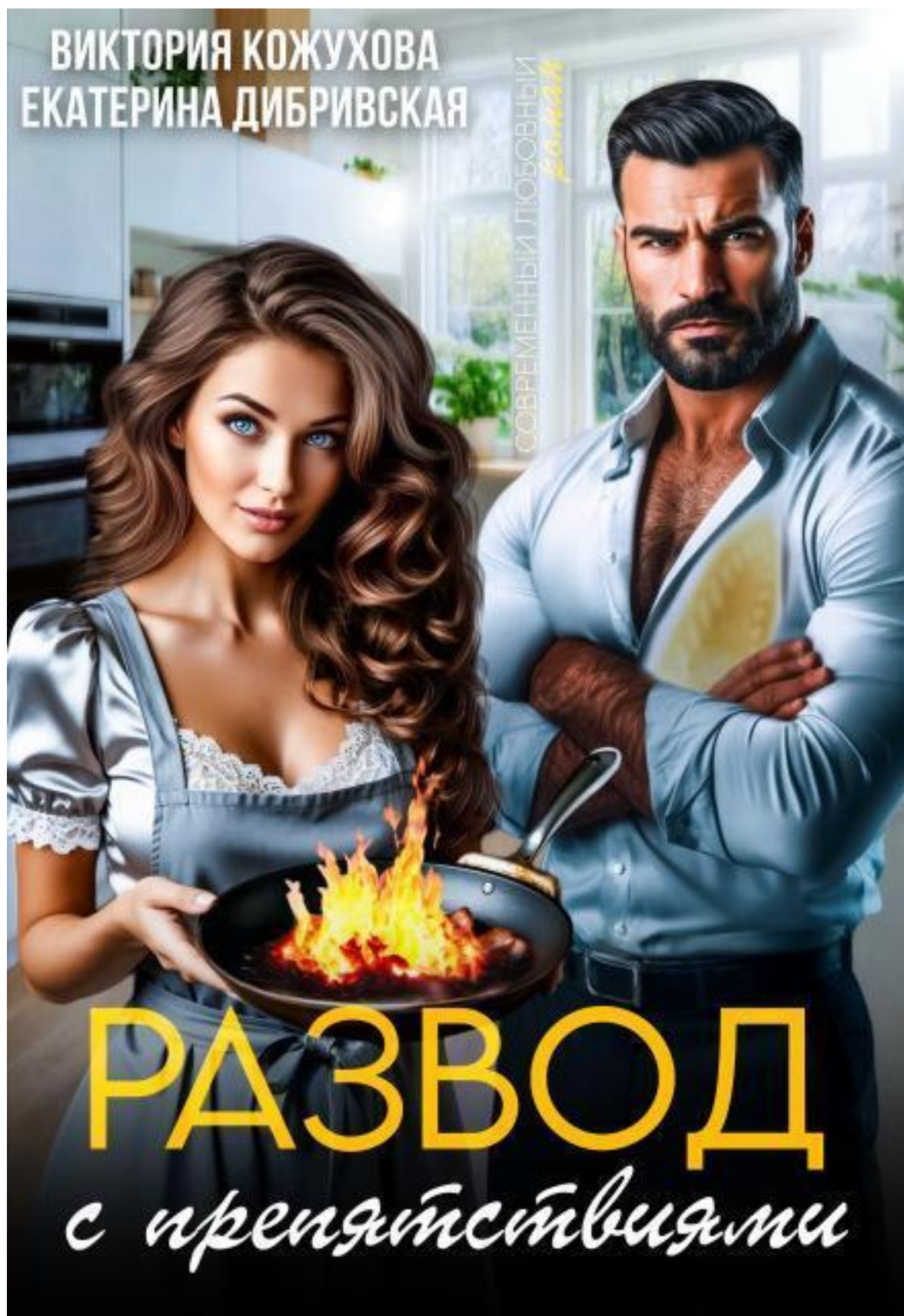

ВИКТОРИЯ КОЖУХОВА
ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ
ДРАМА

РАЗВОД

с неприятствиями

Екатерина Дибривская

Развод с препятствиями

«Литнет»

2026

Дибривская Е.

Развод с препятствиями / Е. Дибривская — «Литнет», 2026

Прибить мужа за измену и пуститься в бега? А почему бы и нет! Сбежав из Москвы с одним лишь чемоданом и паникой в глазах, Алина, столичная штучка и бизнес-леди, оказывается в Иваново – без имени, прошлого и каких-либо навыков выживания вне офиса. Чтобы скрыться от правосудия, ей приходится устроиться помощницей по хозяйству с проживанием в дом, где всеми делами в отсутствие хозяина заправляет грубоватый “разнорабочий”, даже не подозревая, что он и есть – её давний главный конкурент из этого региона. А вот он, по всей видимости, узнаёт Алину сразу... и решает поиграть в кошки-мышки! Она моет полы растительным маслом, путает соль с сахаром и готовит просто отвратительную пасту. Он издевается, специально нагружая непростыми бытовыми задачами, но всё чаще ловит себя на мысли, что жаждет увидеть её улыбку и рискнуть всем, ради одного поцелуя. Но в самый неподходящий момент, когда между ними вспыхивает страсть, Алину отыскивает муж – живой, раскаивающийся... и с просьбой украсть у Александра проект на миллионы. Можно ли начать новую жизнь, если старая всё ещё тянет тебя назад? Измена мужа Героиня в бегах Бытовой инвалид на кухне Юмор, романтика, страсть Обаятельный герой – настоящий мужчина♥#Роман “Бывшие. Давай начнем сначала”;

© Дибривская Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	46
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1

Глава 1

Алина

Иваново – город невест. Но впервые я здесь очутилась в качестве свеженькой вдовы и беглой преступницы.

Ничто, как говорится, не предвещало этой катастрофы. Ещё несколькими часами ранее я просто жила свою размеренную жизнь и наслаждалась статусом замужней женщины слегка за тридцать – с небольшим таким, практически незаметным хвостиком! – и успешной, хваткой, деловой бизнес-леди, совладелицы крупной строительной компании, да и просто красавицы. И если бы мне кто-нибудь сказал, что я буду в спешном порядке собирать вещи и бежать из города на первом попавшемся автобусе куда глаза глядят и все это время судорожно оглядываться в поисках полиции, преследующей меня за тяжкое преступление, я бы рассмеялась этому человеку в лицо.

Но дело было как-то так...

Несколько часов назад

– Ах ты, чертов индюк ошипанный! Ка-зел! – шепчу я со злостью, отходя от дверей конференц-зала.

Срочное совещание, значит? С секретаршей Любочкой, распластанной на столе? О чем же там совещаться то можно? О том, какой длины юбку уместно носить на рабочем месте с ее короткими и кривыми ногами? Или насколько широко они могут раздвигаться, если задрать эту самую юбку?

“Мерзавец! Надо было ему мужика-секретаря нанять!”

Сжимаю руки в кулаки и вылетаю из коридора. Разум переполнен яростью и болью. Не помню, как добираюсь до дома. Все сливается в одно желание: стереть его в порошок, уничтожить эту наглую морду, которая неизвестно сколько обманывала меня и крутила шашни прямо у меня под носом!

Муженек приходит вовремя. Широко улыбается и распахивает свои объятья:

– Любимая, я вернулся! Что... – улыбка сползает с его губ, когда он видит чемоданы, стоящие в коридоре.

– Вот видишь, какая у тебя жена заботливая, – складываю руки на груди. – Даже вещи твои собрала.

– Зачем? Я вроде не собираюсь в командировку...

– Ты собираешься восвояси, мой дорогой. Собираешь свои прическу и профиль и проваливаешь на хрен из моей квартиры! Чемодан, вокзал, на х...утор, по месту постоянной регистрации!

– Зайчик, ты что...

– Не называй меня так! – рычу яростно. – Я видела тебя! С Любочкой твоей! Сегодня! Видела, как ты лобызал ее! Только не говори, что делал ей искусственное дыхание – во-первых, его делают совершенно в другом месте, а во-вторых, я в жизни не поверю в эту чушь!

– Я... – он глубоко вздыхает и, наконец, признается: – Да, это так. Больше не собираюсь тебе врать. Я полюбил другую. Алина, я давно хотел тебе сказать...

– Ах, ты, псина блохастая... – цежу сквозь зубы, вновь загораясь праведной яростью. – Я ведь с улицы тебя подобрала! А ты мне вон чем отплатил! Пятнадцать лет брака в утиль из-за этой твоей интрижки можно выкинуть! А я еще рожать от тебя хотела, думала на годовщину свадьбы нашей стол накрыть... Ты ведь этого ничего не стоишь!

– Вот только не надо об этом! – морщится муж. – Ты всю жизнь меня своими упреками мучила, надоела хуже горькой редьки! Не понимаешь, что меня унижаешь? А Любочка... – его лицо приобретает глуповатое мечтательное выражение. – Любочка на меня как на героя смотрит!

– Кобель! Вон из моего дома!

– И не подумаю! Квартира наша в браке приобретена, совместно-нажитое имущество, как никак, так что шиш тебе, а не мои квадратные метры!

Хватаю стоящую на столе вазу, замахиwaюсь с криком:

– Законные квадратные метры тебе разве что только в могиле светят, альфонс!

Не зря я, отличница, умница и красавица, а в прошлом еще и спортсменка, так хорошо и точно ядра научилась метать. Так о своих прежних талантах мне еще жалеть не приходилось.

Потому что ваза, запущенная мной, попадает муженьку-изменщику прямо в лоб.

Как-то больно глухо охнув, он падает кулем на пол и лежит без движения.

Что тут скажешь? Хилые сейчас мужики пошли. Одной вазой вырубить можно... А ведь это даже не советский хрусталь!

– Толя? – осторожно спрашиваю я у бездыханного тела. Оно совсем не торопится откликаться на мой зов. – То-о-оля! Ты чего это удумал? Вставай! Мы еще не закончили скандалить, я не договорила, так что закругляйся притворяться и немедленно вставай! – Никакой реакции нет. И я фыркаю: – Толик, Толик, да твою ж дивизию!

Нет ничего хуже, когда мужчина оставляет женщину неудовлетворенной. И сейчас я такой именно себя и чувствую...

Осторожно опускаюсь рядом с ним. Щупаю голову, пытаюсь отыскать пульс или признаки дыхания, но чувствую, как ледяной озноб проносится вдоль позвоночника.

– Толя... – плюхаюсь прямо на пол, прижимаю ко рту ладонь. – Толь... Я что же, получается, тебя убила?! Прости меня, Толь, я не хотела!.. – трясущее бездыханное тело в надежде, что оно все же проявит хоть какие-то признаки жизни. Но их в нем больше не наблюдается. До боли закусываю губу. – Черт! Что ж делать-то теперь...

Руки трясутся. Я почти уже вижу, как на них защелкиваются наручники. Что же это... Теперь из-за одной ошибки я, Алина Сергеевна Кудряшова, тридцати семи лет от роду, умница и красавица, в тюрьму пойду? Ну уж нет, дудки!

Быстро вскакиваю на ноги.

– Толя, прости, ничего личного, но ты сам виноват! Надо было оставаться мне верным! – нервно тараторю я, быстро собирая свои пожитки. В них входят небольшая сумка с документами и деньгами, а еще летят трусы, носки, расческа. Кое-что из косметики, небольшой запас одежды, баночки с ежедневным уходом для кожи лица и зоны декольте. Шампунь и маска для волос. Мой новенький стайлер Дайсон – ну зачем он будет пылиться в опечатанной как место преступления квартире, правильно? Поразмыслив немного, я отправляю в чемодан ещё несколько флаконов духов и игрушку-пингвиненка – нельзя же оставлять верного друга одного!

Посмотрев на вазу, сиротливо лежащую на полу, протираю ее тряпочкой. Чувствую себя при этом настоящей прожженной преступницей, хотя до этого вечера вела вполне добродетельный образ жизни. Хочется сесть рядом с Толей и разреваться: навзрыд, громко и капризно – подобно маленькой девочке.

Но тридцатисемилетняя владелица фирмы стройматериалов Алина Сергеевна не может позволить себе подобной роскоши. Поэтому я хватаю собранный чемодан и выскакиваю прочь из квартиры! Бегу куда глаза глядят, подальше от Толика, его тела, измены и полиции, которая рано или поздно непременно настигнет меня, если я не успею убежать и обстряпать дело так, словно укатила еще днем!.. И чтобы незаметно выехать из города, я добираюсь до автовокзала и прыгаю в первый попавшийся автобус, где не требуются документы для оформления билета.

Сейчас

– Сувенирчики, не проходим мимо, налетаем, разбираем! Осталось немного, успеите! Девушка, красивая, смотрите, какие батики, шали и палантины у нас тут есть! К вашим глазкам подберем любой!

Какие тут сувенирчики, когда у меня за последние несколько часов вся жизнь вверх тормашками перевернулась?

Я нервно отмахиваюсь от предприимчивого продавца, который расположил свою палатку прямо около автовокзала в Иваново, и осматриваюсь в поисках такси.

– Девушка, вас подвезти? – слышу за спиной.

Обернувшись, вижу пузатого старичка, который с хитрым прищуром осматривает меня.

– Куда вам нужно?

А я даже не знаю куда. Подальше? От полиции, от возможной ответственности за убийство мужа? Не могу ж я сказать это таксисту...

Он, кажется, по-своему понимает мое молчание. Протягивает мне руку:

– Давайте помогу донести вам сумку. Такая красивая дама не должна таскать тяжести...

– Ох, Веня-Веня, что ж ты делаешь, – раздается неподалеку от нас насмешливый бархатистый голос. – Как не стыдно обманывать бедную туристку!

– А в чем я ее обманул-то? – подбочивается Веня.

Мужчина медленно подходит к нам. Осматривает меня долгим взглядом, от которого мне почему-то становится не по себе. Насмешливо хмыкает, а затем поворачивается к пресловутому Вене:

– Шуруй отсюда, предприниматель. Пока я тебе голову не оторвал. Кыш!

Веня надувается от возмущения, но все же отходит, опасливо глядя на мужчину.

А я хмуро упираю руки в бока:

– Я так понимаю, вы хотите вместо старичка побыть моим таксистом, да?

Незнакомец нагло ухмыляется и поднимает руки в защитном жесте:

– Нет уж, дамочка, это вы как-нибудь сами... Я избавил вас от мошенника, который хотел нажиться на вашей ситуации. Тут много таких. Предлагают помощь, а затем деньги выуживают за нее. А если не захотите делиться – то друзей своих зовут... Вон там, – показывает на стоянку, где стоят белые машины, – настоящие таксисты довезут вас хоть до Парижа. Любой каприз, как говорится, за ваши деньги, – ухмыляется он. – Всего доброго.

Ошарашенным взглядом провожаю наглеца, едва сдерживая желание топнуть ногой. Ну что за день сегодня такой?

Однако долго у меня возмущаться не получается, потому что я слышу за спиной зычный голос:

– Гражданочка!

Обернувшись, превращаюсь в ледяную статую. Потому что ко мне направляется наряд полиции!

Все. Мне конец. Нашли-таки, демоны!

Щелканье призрачных наручников становится все более отчетливым. А срок за убийство непутевого мужа – все более реальным.

Отворачиваюсь и даю деру с того места, где стояла ранее! Цоканье шпилек кажется непривычно шумным, по спине ползут капли пота, перед глазами все расплывается. Страх сжимает стальными когтями сердце, а коленки подкашиваются, но я продолжаю идти, почти бежать!

Подскакиваю к первой попавшейся машине, сажусь на соседнее от водительского сиденье и выдыхаю безымянному таксисту:

– Поехали. Куда угодно. Но лучше подальше отсюда!

В ответ слышу лишь молчание.

– Ну что такое?! – поворачиваюсь к нему и тут же ойкаю. Потому что на меня, широко раскрыв глаза, смотрит тот самый наглец, избавивший от пресловутого Вени.

– У вас, наверное, проблемы со слухом, раз вы после того, как я сказал, что не являюсь таксистом, все же проследовали за мной и сели в мою машину, – прищуривается мужчина, а я кусаю нижнюю губу и с досадой всматриваюсь в зеркало заднего вида.

Ой, мамочки! Полицейские приближаются!

– А может, я маньяк? – насмешливо продолжает незнакомец. – Не думали об этом? Или вы любительница пощекотать себе нервишки?

– Пожалуйста, поедem, а? – умоляюще смотрю на него. – Я хорошо вам заплачу! Мне нужно тихое местечко, где бы я просто могла остановиться на некоторое время!

Мужчина тяжело вздыхает:

– Ну что за женщина... Ладно, едем. Меня, кстати, Александр зовут. А вас?

– Алина, – нервно отзываюсь я, а затем с облегчением слышу, как он поворачивает ключ в замке зажигания. – И да, я раньше метала ядра. Ну это к слову, если вы маньяк...

Александр ухмыляется, но ничего не отвечает мне на это. Машина медленно трогается и, к моему облегчению, полицейские, а вместе с ними и приближающиеся неприятности, быстро удаляются.

Городские застройки быстро сменяются зеленеющими полями и лугами, и я ощущаю до этого неизведанное чувство свободы. Кажется, будто все мои проблемы остаются где-то там, далеко-далеко, в черте города.

Измена мужа. То, что я упорно про себя называю несчастным случаем. Наш брак, который я теперь могу с чистой совестью назвать несостоявшимся и, конечно же, работу, вопросы с которой мне необходимо будет уладить в ближайшее время...

Все это я могу хотя бы ненадолго оставить позади и просто наслаждаться видом. Так я думаю, пока Александр не спрашивает:

– А вы откуда, такая модная, в наших краях?

Краем глаза искоса осматриваю его. Косая сажень в плечах, черные волосы, наглый взгляд карих смешливых глаз... Симпатичный, загорелый, мускулистый – типичный деревенский мужик лет сорока пяти. В обычных потертых джинсах, в белой футболке...

И я. Дама, одетая по высшему разряду: туфли на шпильках, цена которых превышает, пожалуй, стоимость развалюхи, на которой мы сейчас едем до ближайшего глухого поселка, где я могу спрятаться. Шелковое платье из последней коллекции моей подружки-дизайнера, дорогие золотые кольца, которые украшают мои пальцы, сумка из крокодиловой кожи...

– Издалека, – коротко бросаю я ему, показывая, что не желаю разговаривать.

Александр, очевидно, парень не дурак, поэтому быстро понимает намек, ухмыляется и замолкает. А вскоре мы останавливаемся в тихой живописной деревеньке, и мой временный таксист разводит руками:

– Вот, пожалуйста. Дальше нам не по пути.

– Спасибо, – небрежно сую ему пятитысячную банкноту, от чего Александр приподнимает бровь:

– С дамы денег не возьму.

– Какой джентльмен! – фыркаю я, выбираясь из машины. – Ну что ж, спасибо и прощайте! – хлопаю дверью и решительно направляюсь к ближайшему домику, который вижу.

Туфли тут же увязают в грязи, но я все равно шагаю. Ничто не остановит меня на пути к спокойствию!

Ничто? Как же я была наивна...

– Пятнадцать тысяч в сутки? Вы сошли с ума? За проживание в этом сарае?

– Ты язык-то свой придержи! Городская, а манер никаких! – сурово цокает языком бабка в пуховом сером платке и теплом халате. – Не нравятся условия – дверь знаешь где! Ишь, какая нашлась! У меня разговор короткий с такими, как ты!

Проглатываю все гневные слова, которые вертятся на кончике языке. Ох, как много я хочу сказать этой старой карге! Но ни к чему обострять ситуацию, ведь деревушка-то маленькая, а я намерена здесь задержаться хотя бы на несколько недель. И портить отношения с местными не входит в мои планы.

– Что ж, я поняла. Извините за резкость, – цежу сквозь зубы, натягивая на лицо улыбку. Разворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как спину прожигает неприязненный взгляд.

Следующей моей остановкой оказывается частный дом по соседству. Дверь мне открывает подвыпивший мужик не первой свежести. Едва он открывает рот, как меня обдает перегаром.

– Красавица, ты задержалась, пожалуй, на пару десятков лет, но я готов тебе это простить! – икнув, он отступает в сторону, очевидно, желая, чтобы я вошла. – Прощу в мою скромную обитель, жрица...

– Жрица? – приподнимаю я бровь. – Кажется, вы меня с кем-то спутали...

– Ну как же... Я тебя заказывал... Анжела?

Заказывал? Чувствую, как от гнева перехватывает дыхание.

С проституткой. Меня спутали с проституткой!

– Я не Анжела! – рявкаю я. – Простите, я не туда попала! – и, не слушая, что мужик бормочет дальше, практически убегаю отсюда.

Жилье нужно найти до наступления темноты, иначе я останусь на улице.

“В крайнем случае придется вернуться к противной жадной бабке, которая наверняка еще сильнее заломит цену на ночь глядя”, – с яростью сжимаю руки в кулаки и бреду к очередному дому.

К сожалению, следующая комнатка, которую мне презентует скромная девушка, больше похожа на сарай, чем на жилье. Холодная, с большими щелями в несколько пальцев, из которых дует ветер, она такая грязная, что я едва удерживаю на своем лице вежливое выражение. А когда вижу большую крысу, пробежавшую из одного угла в угол, все же шарахаюсь в сторону и выдавливаю из себя:

– Извините... Мне не подходит ваш вариант.

В итоге я выхожу отсюда с отчетливым желанием расплакаться. Кажется, что с того момента, как я застала своего мужа за изменой, вся моя жизнь покатилась коту под хвост, а удача на прощание весело помахала ручкой.

“И это я еще своей помощнице не звонила, не узнавала, как дела в компании...” – уныло думаю я, шагая по дороге. И тут же вляпываюсь в коровью лепешку!

Смотрю на свои испачканные туфли, которые только недавно были такими красивыми и, едва сдерживая желание позорно по-детски разреветься, снимаю их. Отчаяние заполняет меня подобно воде, заполняющей узкий глиняный кувшин. И вода эта грозит перелиться через край.

Поднимаю взгляд на темнеющее небо.

У меня почти не осталось времени.

Наверное, нужно идти на поклон к этой проклятой бабке.

Но когда я немного опускаю голову, то на глаза мне попадает столб с объявлением.

– В строительную фирму требуется помощник для руководителя с проживанием... – читаю тихо. – Номер... Где чертов номер телефона? Мне срочно нужно туда...

Глава 2

Александр

Приехав к дому, бросаю свою старую колымагу около ворот и к ней тут же подбегает Семен – мой главный помощник, разнорабочий – на все руки мастер.

– Александр Владимирович, как съездили? – с улыбкой спрашивает он. – Удалось переговорить с новым поставщиком тротуарной плитки?

– Нет, их представитель опоздал на автобус, предложили перенести на обеденное время, но я не успел.

– Что ж так?

Машу рукой, не желая вспоминать, как встретил на своём пути Алину Кудряшову, владелицу крупной компании по поставкам стройматериалов и по совместительству главную конкурентку в отрасли, где я работаю. По-любому эта хитрая лиса тоже узнала меня, но не подала вида. Что такая высокая птица, деловая дама из самой столицы, делала в Иваново? Наверняка вынюхивала... ведь их контора давно мечтала о слиянии с нами, они даже предлагали нам крупную сумму денег... наивные. Думали, я продам детище, которое взрастил с нуля. Такие люди никогда не поймут, что не все в жизни измеряется деньгами. Сегодня я в очередной раз это понял, когда эта расфуфыренная девица пыталась пафосно сунуть мне денег за то, что ее подвез.

В любой другой ситуации я бы нашёл, что ей сказать. Однако в этот раз попросту не захотел связываться.

Прохожу во внутренний двор по вымощенным дорожкам среди аккуратного ухоженного газона, минуя сад, огород и птичий дворик, прямо в двухэтажный кирпичный коттедж. Все это было добыто непосильным трудом, нервами и бессонными ночами. И я не намерен делиться этим ни с кем другим.

Мои тяжелые мысли прерывает телефонный звонок. На мобильном высвечивается неизвестный номер. Я поднимаю трубку:

– Слушаю.

– Я по поводу объявления. Вам все еще требуется помощник руководителя?

– Да.

– Куда я могу подъехать для собеседования?

Голос кажется мне смутно знакомым, но я отметаю это все сомнения прочь и просто называю адрес.

Вот уже полгода не могу найти толкового помощника. Просто потому что либо попадаются откровенно бестолковые, либо барышни, которые жаждут вместо продвижения по карьерной лестнице залезть ко мне в постель, чего я не приемлю. Не люблю смешивать работу с личным. А судя по тому, что звонит женщина... возможно, я снова разочаруюсь. Но лучше вновь попробовать и выставить назойливую девицу за дверь, чем вовсе не попытаться и пропустить ценного специалиста.

Так думаю я ровно до того момента, пока не приезжает такси и из него не выходит Алина Кудряшова!

Когда она выплывает из машины с таким видом, будто мой коттедж и вся прилегающая к нему местность принадлежит ей, я едва успеваю поймать падающую на землю челюсть. Потому что ожидал увидеть здесь кого угодно: хоть Деда Мороза или Кощея Бессмертного, но никак не эту вертихвостку.

– Опять вы? – скучающе интересуется Алина.

– Опять я.

– Где ваш хозяин?

В ее картине мира никак не укладывается, что хозяином всего этого добра могу оказаться я. Вот это высокомерие! Что ж, сыграю на этом.

– Он уехал, – невинно улыбаюсь и развожу руками я.

– А с кем же я тогда общалась по телефону?

– Со мной, – улыбаюсь ей еще шире. – Как видите, никакой я не маньяк, а самый обычный разнорабочий, который взял на себя часть обязанностей нашего хозяина по подбору персонала! Ну что же вы застыли на дороге? Проходите, не стесняйтесь! Будем вас собеседовать!

Алина смотрит на меня так, будто я сморозил глупость несусветную. Вновь оглядывает с головы до ног, причем, в ее взгляде сквозит нечто брезгливое, что-то, что до глубины души бесит меня. Она ведь даже меня не знает! А судит по обложке. Глупая поверхностная девица, которая, несомненно, провалит собеседование.

“Уж я об этом позабочусь! – мрачно думаю, старательно растягивая губы в улыбке. – Странно, что такая смогла компанию создать...”

– Вы – и собеседовать... – лениво тянет Алина. – Что ж...

В ответ смотрю на ее босые грязные ноги. Она тоже опускает взгляд и тут же густо краснеет.

– Я... я... – что-то прячет за спину, но я улавливаю характерный запах и со смешком произношу:

– Один – один?

Она угрюмо кивает.

– Для начала предлагаю вам сходить в гостевую уборную. Она находится на первом этаже. А потом продолжим.

– Спасибо, – бурчит Алина, исподлбья глядя на меня. Киваю ей и подхожу к Семену, который с интересом наблюдает за нами со стороны.

– Проводи даму в уборную, проследи, чтобы не заблудилась. Но следи за языком, она не должна ни в коем случае узнать, что я здесь хозяин.

– Ну вы чудной, – усмехается помощник. – Другие наоборот выставляются и так, и этак, а вы шифруетесь, как шпион...

– Делай, что говорят, – цежу сквозь зубы. – Всему есть причина.

Он мгновенно серьезнеет, кивает:

– Я понял. Сделаю все в лучшем виде. Дамочка будет думать, что вы разнорабочий.

С улыбкой киваю.

Мы еще посмотрим, кто кого. Если Алина думает здесь что-то разнюхать, то она очень сильно заблуждается.

– Каковы будут мои обязанности?

– С места сразу в карьер, сразу видно, что вы – деловая женщина! – всплескиваю я руками и раскрываю перед Алиной двери кабинета.

– Не привыкла тратить время зря, – сухо отвечает она. – Какова зарплата?

Мне не нравится ни тон, которым она задает свои вопросы, ни то, как она это делает. Потому что сначала работодатель должен спрашивать, скажем так, вести диалог. Но Алина, судя по всему, привыкла к ведущей позиции и не намерена это скрывать, по крайней мере, в отношении того, кого она считает разнорабочим по имени Александр.

Благополучно пропускаю ее вопрос мимо ушей и расплываюсь в очаровательной улыбке, зарабатывая при этом подозрительный взгляд:

– Да вы присаживайтесь, присаживайтесь... Зарплата у нас хорошая, никто не жалуется...

Алина усаживается в большое глубокое кожаное кресло, оглядывается. Судя по блеску в глазах, обстановка в кабинете ей нравится. И я даже немного польщен.

В своем кабинете я чувствую себя увереннее, вот почему я привел ее сюда, а не в обычную приемную комнату, куда приглашаю других кандидатов для приема на работу. Мой дом – моя крепость.

Медленно обхожу крепкий дубовый стол, сажусь напротив Алины и достаю листок и ручку. Пишу на листке сумму и протягиваю ей. Когда Алина видит зарплату, написанную на листке, ее брови ползут вверх. Мог бы, конечно, солгать и спугнуть её низкой заработной платой, но зачем, если я уверен, что удастся напугать ее иначе. Тяжелым, просто адским трудом, к которому, я уверен, она не готова.

– Недурно, – бормочет она. – И что же нужно делать?

– Все предельно просто! Хозяину необходима помощница по хозяйству. В ее обязанности будет входить уборка, готовка, глажка, а, ну и конечно же уход за Маней и Варей, у нас недавно случилось пополнение... – вдохновенно вру я. – И...

– Уход за Маней и Варей? – ошарашенно спрашивает Алина. – У хозяина есть дети и им нужна няня?

– Какие дети? – смеюсь я. – Маня и Варя – это коровы! Маня недавно отелилась! Они любимицы хозяина, поэтому за ними необходим особенный уход! Так что если вы не умеете доить, то... Алина? Алина, вам плохо?..

Она смотрит на меня, не моргая, а затем ее лицо покрывает мертвенная бледность. Такая, что я на мгновение жалею о своей шутке, которая оказалась несколько... неудачной?

“Самое время отказаться от работы. Откажись же, ну! Зачем такой столичной штучке, как ты, наша глухомань?”

Но вопреки моим мыслям, Алина решительно кивает:

– Я... просто боюсь коров. Но я с этим справлюсь, уверяю вас!

“А, то есть ты настолько хочешь остаться здесь...” – расплываюсь в еще более обворожительной улыбке. Честное слово, с такой улыбкой дьявол предлагает грешнику продать душу за исполнение желания.

“Вот что значит – сильная женщина. Что ж, придется мне купить коров. Не могу же я разочаровать даму...”

– Что ж, раз с этим вопрос решили, следуем далее по вашим обязанностям. Да, это не все, – добавляю я, глядя в ее вытягивающееся лицо. – Также вам предстоит ухаживать за садом. Хозяин очень любит свои гортензии. К ним, конечно, нужно приспособиться, ну, думаю, в этом ничего сложного нет... Вы будете поливать, обрезать, удобрять растения компостом...

– Ком... что? – растерянно переспрашивает она, а я изо всех сил давлю в себе желание расхохотаться.

– Практически то же, в чем были испачканы ваши прелестные ножки, – легко замечаю я. Тень брезгливости наползает на ее лицо, но Алина все же покорно кивает.

Ладно, что уж тут сказать, на счет компоста я слегка лукавил, нет там коровьих лепешек, но такой даме пик, как Кудряшова об этом знать не обязательно. Мне ведь нужно сделать так, чтобы она бежала отсюда куда глаза глядят, сверкая своими модными лабутенами. Вот и стараюсь, как только могу.

– Мне все подходит! – решительно заявляет она.

Ну стерва, не иначе! Решила, не откладывая в долгий ящик, разинуть свою акулю пасть и проглотить мой бизнес? А для этого – втереться в доверие? Вот уж дудки! Я таких, как ты, на завтрак, обед и ужин ем!

Злость поднимает во мне свою змеиную голову, но вместо того, чтобы высказать Алине в лицо все то, что я о ней думаю, мягко спрашиваю:

– У вас остались какие-то вопросы?

Все-таки доказательств у меня нет, лишь мои мысли. А с ними, как говорится, она меня и в клевете обвинить может. Так что тут нужно осторожнее...

– Да, – Алина нервно сжимает руки в кулаки и негромко интересуется: – А жить... жить я тоже здесь буду?

– «Так вот оно что... Ты хочешь в доме проживать? Ну точно шпионка...»

– Конечно, как и всякий другой работник. Крайней нужды выезжать за пределы дома нет. В основном, я сам привожу все из города, так как часто там бываю по делам. Попутно могу купить продукты, предметы личной необходимости...

Ее напряженные плечи немного опускаются, и Алина несмело улыбается:

– Что ж, я готова приступить к работе.

Опять оно. Опять она говорит так, словно делает мне одолжение. Словно лишь от ее решения здесь зависит, получит ли она работу или нет.

– Боюсь, что я о вас еще ничего не узнал... Поэтому пока не могу делать какие-либо выводы о том, подходите ли вы нам или нет, – от моей улыбки, кажется, можно сахарный диабет заработать, и Алина кисло улыбается мне в ответ, словно этот сахар скрипит на ее зубах.

Ей, очевидно, не слишком нравится, что какой-то разнорабочий перехватил инициативу собеседования, но выбора у нее нет. Алине придется ответить на ряд самых разных неприятных и колких вопросов, которые я ей задам. А если не ответит – пусть катится ко всем чертям.

– Конечно, задавайте вопросы, – Алина глубоко вздыхает, будто к бою готовится.

Я бы подумал, что она забавная, если бы она не пришла сюда шпионить. В любых других обстоятельствах отнесся бы к ней мягче. Но не сейчас.

– Ваше образование?

– Высшее. Закончила Московский государственный университет имени Ломоносова. Факультет экономики.

– Опыт работы имеется?

– В основном в стезе финансов, управления, – пожимает она плечами. – Имею довольно-таки большой опыт...

И не говорит о компаниях, в которых работала. Вот же жучка!

– Вы замужем? Дети есть?

На ее лицо наползает тень.

– Можно сказать, что нет.

– Это как? – в недоумении приподнимаю брови.

– В процессе развода. Детей нет, – с неохотой и некоторой заминкой отвечает Алина.

Как интересно... Быть может, в этой ситуации есть моменты, о которых я пока не знаю.

Однако это не отменяет того факта, что она совершенно не старается. Могла бы хоть соврать, не давая мне повода цепляться к ней, ведь я даже не прошу документов на данном этапе, до последнего уверенный, что выдворю ее быстрее, чем мы дойдем до оформления.

Однако Алина, кажется, отвечает довольно честно, и я не могу не поинтересоваться:

– По какой же причине такой ценный специалист, как вы, вместо того, чтобы обустроить свою успешную жизнь в городе, приехали сюда? Вы хорошо одеты, у вас великолепное образование и опыт работы, которые откроют вам дороги во многие компании столицы, а вместо этого... – я развожу руками, – вместо этого вы предпочтете потратить время в богом забытой глуши, ухаживая за коровами?

Алину передергивает, но она тут же натягивает на лицо улыбку. Определенно, фальшивую.

– Я считаю, что никогда не поздно начать жизнь с чистого листа. Ситуация, которая сложилась у меня с мужем, очень сильно повлияла на меня. Перевернула мою жизнь с ног на голову. И я хочу привести мысли в порядок. По моему мнению сделать это в тихом месте лучше

всего. И я... – она запинаясь, а потом уверенно продолжает: – Я способная, я всему научусь, я себя знаю! Даже если сейчас для меня что-то недоступно, я всегда смогу этому обучиться...

Ее целеустремленность, конечно, поражает. И я ловлю себя на мысли, что, может, даже готов дать ей шанс. Небольшой. Малюсенький.

“Заодно как раз прослежу за ней, за тем, что она пытается вынюхать... Соберу доказательства...”

Но тем не менее, я все же продолжаю попытку вопросами:

– А детей, значит, не планируете?

– Ну раз разводиться собралась, значит, что нет, – сквозь зубы произносит Алина. Видно, что ей очень не нравится этот вопрос.

– Почему же, – сладко улыбаюсь я ей. – Женщина в вашем возрасте как раз будет мечтать о детках, как это говорится?... Для себя.

С удовольствием наблюдаю за тем, как ее щеки, шея и даже часть груди, не скрытая одеждой, покрываются красными пятнами. Ах, этот гнев так сладок для меня! Ну же, разозлились окончательно и откажись от работы, иначе я тебе точно устрою здесь кошмар!

– Нет. К детям я пока не готова, – холодно отвечает она. – А к остальному – к тому, что вы предлагаете, – вполне.

Вот ведь упертая!

– Как вы относитесь к задержкам зарплаты? Готовы ли вы вставать даже ночью по просьбе хозяина, если ему что-то понадобится? Как относитесь к отсутствию продвижения по карьерной лестнице?

Вопросы сыплются из моего рта словно из рога изобилия. Алина выглядит слегка обалдевшей. А я, черт побери, доволен собой!

Доволен. Ровно до того момента, пока она решительно не заявляет:

– Я на все согласна! Мне очень нужна эта работа!

“Да елки-палки!”

– Что ж, вы приняты, – кисло улыбаюсь я ей, и Алина победоносно смотрит на меня в ответ.

Глава 3

Алина

“Я победила. Победила!”

Ликование накрывает меня, когда я вслед за Александром поднимаюсь по лестнице на второй этаж этого большого дома, который мне пришлось брать буквально штурмом.

Сказать, что я была удивлена, увидев знакомое лицо, – это промолчать вообще. Я была неприятно шокирована, потому что прекрасно помнила выражение его лица, когда я покидала его машину.

Холодное неодобрение. Вот что оно выражало.

Александр наверняка посчитал меня высокомерной выскочкой и, в целом, был не так далек от истины, потому что таковой меня считали практически все, с кем приходилось иметь дело. Но мне всегда было безразлично то, что думают обо мне другие люди. Вот такая вот я, любите или ненавидьте, относитесь, как хотите. Я не изменюсь, потому что уже выросла из детских штанишек.

Но с Александром дело обстояло иначе. Как только я увидела его сладкую улыбку, сразу же поняла: просто не будет. Он еще припомнит мне все высокомерие, с которым я отнеслась к нему ранее. И у нас наверняка ничего не сложится.

Да, каверзные вопросы были. Чего только стоило замечание о возрасте и детях! В последний момент я-таки смогла прикусить свой длинный язык, чтобы не сболтнуть ничего колкого в ответ. Перед глазами все еще стояло бледное лицо мужа, лежащего на полу, и ваза, которой я в него кинула.

Перспектива сесть в тюрьму не прельщает меня до сих пор. И желания возвращаться к той жадной бабке, которая требует в сутки огромную сумму денег за свою халупу, у меня нет. Как и жить в комнатке, полной мышей.

Я сдержу свой характер. И вытерплю все унижения от этого немытого мужлана.

Задерживаю взгляд на широкой спине Александра. Белая футболка натягивается и сквозь нее просвечиваются упругие мускулы.

Чувствую, как непрошенный румянец просится на щеки. Чего это я, совсем сбрендила? Как мне может понравиться такой деревенщина? К тому же, я не так давно мужа убила собственными руками, а уже засматриваюсь...

“Алина! Нет в тебе ничего человеческого!” – ругаю я себя. И опускаю взгляд ниже, на аппетитные... то есть, ужасные ягодицы, которые так и перекатываются под темными штанами!

“Нет, ну это просто никуда не годится! Надеюсь, что с Александром я буду пересекаться как можно реже!”

Он будто читает мои мысли, оборачивается. Смотрит сверху вниз:

– Мы с вами будем часто видеться. Пока хозяина нет в доме, все его распоряжения будут поступать через меня.

– Я очень рада, – кисло улыбаюсь ему.

Что ж, я здесь. Это правда победа. А с остальным разберусь позже.

– Ваша комната, Алина, – Александр открывает мне дверь и я, невольно затаив дыхание, захожу внутрь.

Комната мне нравится.

Когда я ступаю на мягкий ковер, пылинки взлетают в воздух и весело кружатся в солнечном свете. Не сдержавшись, присаживаюсь в мягкое кресло, стоящее около окна, и понимаю, что спина, ранее будто скованная, расслабляется. И напряжение в теле постепенно тает.

– Выше вашей спальни только чердак, – доносится до меня голос Александра. – Туда вам подниматься строго запрещено, потому что там много мусора и всяких строительных мате-

риалов, которые мы пока не успели разобрать... Убьетесь еще, а нам тут потом разгребать последствия. – Он на секунду замолкает, словно задумывается. – Собственно, ваша основная зона деятельности на ближайшее обозримое будущее – это кухня. Из обязанностей: готовка на кухне, иногда уборка, стирка и так далее, по мелочи, что я велю вам делать. Правил будет немного, но их требуется выполнять неукоснительно: не суйтесь на чердак, в гараж и в кабинет хозяина. С остальным разберетесь по ходу работы.

Рассеянно киваю, только сейчас осознавая, насколько устала. Мне хочется плюхнуться на односпальную кровать, стоящую в углу, зарыться носом в подушку и не слышать, не видеть ничего... Хотя бы ненадолго отрешиться от всего происходящего. Прийти в себя.

– Я вас оставлю. Приступите к своим обязанностям с завтрашнего дня, – мягко произносит Александр.

– Хорошо. Спасибо вам, – тихо отвечаю ему. И уже не слышу, как он уходит. Потому что сонливость накрывает меня с головой, а глаза закрываются сами собой...

Не знаю, сколько я спала, но когда просыпаюсь, то понимаю, что сгущающиеся сумерки уже падают мягкой завесой на деревню. Спину ломит от того, что я заснула в кресле, поэтому когда я выпрямляюсь, то охаю от того, что ее простреливает резкой болью.

Растерянно оглядываюсь, все еще не в силах поверить в то, что нахожусь здесь. В то, что за такое короткое время моя жизнь так резко поменялась.

“Интересно, Толика уже нашли?”

Дрожь прокатывается по телу холодной волной как только я думаю об этом. Это все вышло не специально... Я ведь не враг себе. Максимум, что я могла бы сделать, так это развесть и все отнять у нерадивого муженька, посмеявшего изменить мне! Но не убивать... Однако как такое объяснить?

С тяжелым вздохом прохожу к постели и сажусь на нее. Кровать поскрипывает и прогибается подо мной, и я с досадой понимаю, что наверняка лишусь спины, если буду спать на ней.

– Блин... – шепчу с досадой. И как назло, желудок начинает ворчливо урчать, напоминая мне о том, что я сегодня вообще не ела!

– Ну хоть голову дома не забыла, уже хорошо... – бормочу себе под нос. Мысль о том, что нужно спускаться вниз, тяготит. Мне не хочется встречаться с Александром, видеть его сладкую улыбочку, за которой, я в этом уверена, кроется много чего... Все-таки я не дура, понимаю, что не нравлюсь ему. Но нужно отдать этому человеку должное – он по справедливости поступил со мной, не стал выгонять. И теперь мне предстоит задержаться в этом месте.

Решительно выдыхаю и сжимаю руки в кулаки, призывая на помощь всю свою смелость. И чего это я вообще робею? Никогда такого не было, нечего и начинать стесняться!

С такими мыслями встаю с кровати и, открыв дверь комнаты, медленно спускаюсь вниз. “Для начала хотелось бы поесть. Где здесь кухня?”

Дом, накрытый сумерками, кажется пустынным, темным и пугающим. Поэтому я хватаюсь за сердце, когда слышу холодное:

– Что вы тут делаете?

Оборачиваюсь и вижу рыжего паренька, который хмуро наблюдает за мной. Мне кажется, будто бы я видела его, когда приехала сюда.

“Наверняка один из работников...” – думаю я и отвечаю тихо:

– Ищу кухню.

– Вас приняли на работу? – он демонстративно осматривает меня с ног до головы изумленным взглядом, что даже немного оскорбляет.

– Ну да, а что, не должны были? – получается резче, чем мне бы хотелось, но он сам виноват! Сам нарвался!

Паренек с сомнением качает головой, но отвечает совершенно другое:

– Меня Семеном звать. А кухня в другой стороне, пойдемте провожу.

– А я Алина, – тихо отвечаю ему, и он вновь кивает.

Осторожно следую за ним и через минуту мы уже оказываемся там, где нужно.

Семен включает свет, а я подхожу к холодильнику. Открываю его и застываю в нерешительности. Слышали о выражении “мышь повесилась”? Так вот, в холодильнике не хватает именно ее.

– А... А почему тут... – оборачиваюсь в нерешительности, а Семен лишь насмешливо пожимает плечами:

– Бабы в доме давно нет, а мы, мужики, питаемся подножным кормом... Но теперь у нас есть вы. Алина, может, как раз приготовите ужин?

Вообще-то домой ко мне всегда приходила домработница. А еще я частенько заказывала еду из ресторанов или же нанимала поваров, чтобы готовили нам с Толиком. И лишь изредка стряпала сама, впрочем, не слишком успешно. И настолько редко, что для мужа всегда такие дни были праздником.

Почему это происходило? Да потому что мы оба были слишком заняты работой, чтобы тратить время на такую банальную ерунду, как приготовление пищи.

А теперь этот малознакомый пацан просит... нет, почти приказывает мне приготовить ему! Я точно слышу в его тоне повелительные нотки и уже хочу было возмутиться, но прикусываю себе кончик языка.

Как я собралась здесь работать, если даже с таким легким заданием справиться не могу? Да меня тут же выгонят вшаей и будут правы!

“Но этот его тон... Ох, как же бесит...”

– А что тут происходит? – раздается вкрадчивый голос Александра, от которого я вздрагиваю.

Семен резко оборачивается, его лицо светлеет:

– Да я вот показываю новой работнице, где у нас кухня!

– А еще решил воспользоваться ее услугами? – иронично улыбается Александр. Семен смущенно чешет макушку:

– Ну а че, она ж сама хочет есть, пусть и для нас приготовит...

Сжимаю руки в кулаки. Это у них привычка такая: разговаривать про человека, который находится рядом, так, словно его нет?

– Я сделаю... сделаю бутерброды, – резко отвечаю я. – Все в порядке!

Александр не сводит с меня долгого взгляда. И я, кажется, впервые не вижу улыбки на его лице. И не могу понять, о чем он думает. Вот ведь странно...

– Что ж, сделайте, – наконец произносит он. – Порадуйте нас на ночь глядя.

– Из чего? – холодно интересуюсь я и показываю на все еще распахнутый пустой холодильник.

– А я как раз из города привез всякого... Семен, в машине там лежит, не принесешь?

Паренек с готовностью кивает и выбегает из кухни, а я подхожу к чайнику. С облегчением понимаю, что он современный, электрический. Хотя было бы странно, если бы в современном доме я бы наткнулась на какой-нибудь самовар... Но мне в последнее время не слишком уж везет, так что я бы не удивилась такому повороту событий!

Набираю в чайник воды из-под крана. Между лопатками зудит чужой взгляд, и я едва сдерживаю желание нервно передернуть плечами. Не люблю, когда за мной наблюдают, но теперь, кажется, придется к этому привыкнуть.

Едва ставлю чайник греться, на кухню возвращается Семен. Довольный, он несет полные пакеты и ставит их на стол.

– Ну, раз теперь у нас тут появилась хозяйка, пусть сама все и разбирает! – весело заявляет он.

– Хозяйка? – поворачивается к нему Александр.

– Я имею в виду, хозяйка на кухне... – нерешительно чешет затылок Семен.

Подхожу к столу и начинаю разбирать пакеты. Чего в них только нет! Несколько килограмм говядины, овощи, фрукты, молоко... Слюнки текут, но сомнение закрадывается в душу: смогу ли я превратить все это в нечто съедобное?

“Ну-ка, Алина, не дрейфь! – приказываю сама себе. – Держи хвост пистолетом!”

Последней вытаскиваю из пакета здоровенную палку колбасы. Хлеб находится в хлебнице, и я приступаю к выполнению задания...

– Это что?

Александр с сомнением рассматривает приготовленное мной яство. Семен тяжело вздыхает, а я спешу пояснить:

– Это бутерброд. А что не так?

– Ну... он какой-то слишком большой, вам не кажется?

Я присматриваюсь к приготовленному. Подумаешь, ошиблась немного с размерами! Какие привереды!

– Большому куску и рот радуется! – заявляю решительно.

На что Семен возмущенно фыркает:

– Ну не настолько же большому... Мой рот будет не слишком счастлив, если я его порву! Где вы видели хлеб толщиной с три пальца и такой же кусок колбасы? И все это без масла! А от вашего чая я язык обжег! Тьфу!

Упираю руки в бока. Ну что за неотесанные мужланы!

– Не нравится – сам готовь!

– А ты здесь для чего? – с набитым ртом возмущается Семен, самым наглым образом переходя на “ты”. А сам-то уплетает за обе щеки, гад!

– Ну хватит, хватит, – останавливает нас Александр. – Все в порядке. Сем, не надо так наседать, в конце концов, Алина первый день здесь, еще не привыкла к своим обязанностям...

Несмотря на то, что он меня защищает, все же смотрит пристально, так, что мой бутерброд встает мне поперек горла. Вот же... чего так пялиться?

“А вдруг... вдруг мое фото показывали по телевизору? Вдруг меня уже ищут повсюду? И Александр увидел, и теперь думает, как меня сдать полиции?” – холодок пробегает по коже от этих мыслей, и я как бы невзначай интересуюсь:

– А у вас тут есть телевизор?

– Какой? – со смешком говорит Семен. – Если только ламповый, в сарае... И то сто лет уж как не работает... Некогда нам смотреть телевизоры ваши, работы полно, мы ж не городские...

– Семен, – строго смотрит на него Александр, а затем переводит взгляд на меня: – Телевизор только в спальне у хозяина, сейчас, пока он в отъезде, она заперта. Так что кино посмотреть не получится.

Киваю, чувствуя, как страх разжимает стальные клешни, и дышать становится немного легче. Они, наверное, считают меня избалованной девицей, и кто я такая, чтобы их в этом разубеждать? Пусть уж лучше думают обо мне так, чем как об убийце...

Чуть позже я снова поднимаюсь наверх, к себе. Принимаю душ и, чувствуя некоторое облегчение, застилаю постель чистым бельем. И если кое-как расправить простыню и впихнуть подушки в наволочки у меня выходит довольно быстро, то с одеялом я мучаюсь, пока не плюю на это зряшное дело. Мне никогда в жизни не совладать с пододеяльником! Это чертово одеяло просто не подходит по размеру, как пить дать!

В итоге, вся запыхавшаяся и раскрасневшаяся, я расстилаю поверх пододеяльника одеяло и плюхаюсь на кровать. Она жалобно скрипит под моим весом, и я невольно морщусь.

Моя-то была прекрасной – с ортопедическим матрасом, подушкой, принимающей анатомическую форму специально под меня, а на этой... боюсь себе представить, что станет с моей спиной завтра.

Закрываю лицо руками.

“Моя удобная, милая кровать. Моя чудесная ванная, в которой я могла нежиться... Моя прекрасная квартира. Все это пришлось оставить, как и прошлую жизнь. Из-за одной ошибки. Из-за этого козла, которому приспичило мне изменить!”

Если честно, особой боли от предательства я не ощущаю. Просто колкую злость и обиду. Возможно, наши отношения с Толиком совсем себя изжили... Меня больше всего беспокоит, что из-за него я могу сесть в тюрьму!

“Хоть бы никто не догадался, хоть бы никто не понял, в чем дело...”

Страх, кажется, настолько сильно въелся в мой разум, что его уже ничем не вытравишь. Он всегда будет преследовать меня.

“Ну вот, я устроилась сюда. А что дальше? Как долго смогу жить здесь, в этой глухой деревне? Может... может, проверить телефон?”

Мобильный я отключила где-то по дороге на автовокзал, чтобы меня не могла отследить полиция. И теперь, когда думаю, что его снова нужно включить, ужас вновь сжимает сердце.

“Как же быть?”

Тихий шорох отрывает меня от тяжелых раздумий. Вздогнув от неожиданности, покрываюсь холодными колкими мурашками.

– Откуда звук? – шепчу пересохшими губами. Так, словно мне может кто-то ответить.

Шорох повторяется. Более громкий, он доносится из-под кровати.

Облизываю губы и, резко выдохнув, призываю на помощь всю свою выдержку. Быстро заглядываю вниз...

И через мгновение, вопль, срывающийся с губ, оглушает даже меня саму:

– Мамочки-и-и-и!

Мышь. Или крыса. Я не сильна в зоологии. Небольшое серое мерзкое существо с длинным хвостом смотрит на меня своими черными глазками-пуговками, и его, кажется, совершенно не пугает ни мой вопль, ни мое присутствие. Более того – оно бросается на меня!

Дикий иррациональный страх захлестывает меня с такой силой, что я кричу, не в силах остановиться:

– Уйди! Уйди, животное!

Перепрыгиваю с кровати на пол и в ужасе бегу к подоконнику. Запрыгиваю на него, поджимаю ноги под себя, и кричу, кричу, надеясь, что хоть кто-то в этом чухлом захолустье прибежит ко мне на помощь...

Александр врывается в комнату спустя мгновение, бешено сверкая глазами. В комнате вспыхивает свет, и я могу как следует рассмотреть своего спасителя. Он с голым торсом – весьма, надо сказать, накаченным, в одних лишь низко сидящих домашних шортах. В руках у него – ружье, направленное на меня, и я поднимаю руки и ору ему:

– Стреляйте не в меня, а под кровать!

Он быстро отводит от меня оружие и напряженно спрашивает:

– Кто там? Летучая мышь? Лиса забралась?

– Там крыса! – воплю я, разводя руки широко в стороны. – Во-о-от такая огромная!

Он опускает ружье и долго смотрит на меня, отчего я почему-то ощущаю себя идиоткой. Потом с тяжелым вздохом лезет под кровать. А затем я слышу приглушенный смешок.

– Вот это чудовище, – Александр вылезает из-под кровати, держа за хвост эту мерзость, – так сильно вас напугало, что вы кричали, как потерпевшая? Это же обычная мышка, размером примерно с мизинец.

– Ну извините! – скрещиваю руки на груди. – Разве размер имеет значение? Это же монстр настоящий! Мыши и крысы переносят всякую заразу, разве вы не в курсе?

– Боюсь себе представить, как вы жили раньше, – качает головой Александр. Его взгляд медленно скользит по мне, и я вдруг понимаю, что моя ночнушка задралась и полностью оголяет бедра... Быстро выпрямляю ноги, поправляя ткань.

Он отворачивается, прихватывает с собой ружье и выходит из комнаты, а я кричу ему в спину:

– А что вы с ней сделаете? Убьете?

– Конечно-конечно... – бормочет он. – Доброй ночи, Алина.

– Спокойной... – шепчу ему вслед.

Ожидаю услышать выстрел, но вижу в окно, как Александр попросту выпускает это чудовище на волю. И мне становится так обидно!

– Ладно... ладно, – цежу сквозь зубы. – Похоже, что он и правда считает меня нежной принцессой! Ну я ему еще покажу, что это не так!

Сама не понимаю, почему меня так разозлил поступок Александра, но он вышел весьма показательным: даже этот грязный разнорабочий не воспринимает меня всерьез, раз позволил себе пошутить надо мной в момент моей слабости!

Поэтому утром я встаю, переполненная праведным гневом, который, как ни странно, придает мне сил и отбивает весь страх. Перед новым домом, обстоятельствами, которые привели меня сюда, Семеном и даже чертовой мышью, которая наверняка все еще гуляет где-то во дворе!

Я знаю, что страх вернется. Но мне, похоже, была нужна эта маленькая передышка. И я ее получила.

С такими мыслями я спускаюсь вниз, на кухню. И тут же застываю, когда обнаруживаю на столе нечто такое, что видела лишь, пожалуй, на старых открытках и когда-то в детстве, когда навещала бабушку в гостях.

– Это что еще такое? – тихо спрашиваю у Семена, а тот, сидя за столом, ослепительно улыбается:

– Разве вы не знаете, как выглядит самовар?

– Я знаю, как он выглядит! – раздраженно огрызаюсь. – Не понимаю только, что он тут делает! Вчера ведь нормальный чайник был...

– А, тот сторел! Александр в город поедет только на выходных, а чай нам нужен сейчас, так что вот... – разводит руками Семен. – Достали из сарая. Его бы помыть, начистить до блеска, и как новенький будет! Принимай работу, хозяйюшка! Только учти, что сделать все нужно быстро, до того, как Александр проснется... У тебя минут сорок точно есть.

– Проснется или нет... Какая разница? Он здесь хозяин, что ли? Когда смогу, тогда и сделаю!

На лицо Семена вдруг набегают тени:

– Ты мне тут поговори еще! Сама на работу напросилась и теперь отлынивать вздумала? В период отъезда хозяина Александр вместо него, разве не понятно? Включай хоть иногда голову свою глупую, женщина!

– Как ты меня назвал?!

– А как тебя еще звать-то? Не мужиком же! Приступай!

Мне очень хочется надеть этот самовар Семену на голову. Зуб даю, сидеть на нем будет как влитой и никто поначалу даже не поймет разницы!

Но отчасти я понимаю, что он прав. И во всем виноват мой длинный язык, который ну никак не получается держать за зубами! Поэтому я скрепя сердце принимаюсь за работу.

Через полчаса работы мои руки все красные от средства для мытья посуды и соды, которую мне торжественно вручили. Но самовар действительно блестит словно новенький. Я даже чувствую некое подобие гордости за себя. Это задание можно считать выполненным!

Но когда приходит время заваривать чай, я в нерешительности застываю над этим чудом славянской культуры, не зная, как к нему подступиться.

“Был бы у меня интернет... – с досадой думаю и тут же осаживаю себя: – Был бы он у меня, тут бы сразу появилась полиция... И здравствуй, небо в клеточку, друзья в полосочку... Нет, надо как-то выкрутиться из этой ситуации. Но как?”

К счастью, Семен облегчает для меня это дело. Со вздохом подходит ко мне, отодвигает в сторону:

– Я так понимаю, как его заваривать, ты не знаешь?

Растерянно качаю головой, не видя смысла притворяться в этом случае.

– Понял. Ну что, хозяйюшка, неси заварку, угли из шкафа и маленький чайник для заваривания! Буду тебя учить!

Следующие полчаса я внимательно наблюдаю за действиями Семена. В целом, все довольно-таки просто: наполнить самовар водой, положить угли в топку самовара, наполнить заварник...

“Стоп”.

Смотрю на него и понимаю: неужели меня обдурили?

Желание стукнуть Семена по голове этим чайником усиливается, и я цежу сквозь зубы:

– Какого черта ты не сказал, что есть еще этот чайник? И почему мы мучаемся с самоваром?

Он с недоумением оглядывается на меня:

– Вот темная! Чай в такой ерунде пить – только время терять и себя не уважать!

– Вчера мы спокойно пили...

– Вчера уж все уставшие были! Тебя пожалели! А сегодня твой первый рабочий день, нужно с основ начинать! Когда хозяин вернется, будет большим плюсом то, что ты с самоваром обращаться умеешь!

Глубоко вздыхаю, призывая к себе на помощь все терпение.

– Хорошо. Что нужно делать дальше?

– Давай я сам наполню чайник, а ты долей воду в самовар... Только осторожнее, – Семен забирает у меня заварник, отходит в сторону, а я резко поднимаю крышку самовара...

– Нет! – кричит Семен, но уже поздно.

Крышка, будто живая, срывается с петель и взмывает в воздух!

Прежде, чем я успеваю как-то отреагировать, чьи-то руки оттаскивают меня назад, и я впечатываюсь в сильное мужское тело.

Дыхание перехватывает, но единственное, что я могу сделать – это лишь наблюдать, как крышка, словно в замедленной съёмке, несколько мгновений крутится в воздухе, а потом быстро падает вниз... И попадает Александру, который спас меня, прямо в лоб!

Он чертыхается, отшатывается, я – вместе с ним... Но мы удерживаемся на ногах. Будто со стороны я слышу свой испуганный вскрик, когда Александр отнимает руку от лица...

На его лбу горит красная отметина.

– Какого черта здесь происходит... – стонет он, а я вдруг осознаю, что его руки все еще крепко сжимают меня.

Осторожно высвобождаюсь из его объятий, лепечу:

– Вы... вы...

– Все в порядке? – подскакивает к нам Семен. Он с тревогой смотрит на Александра, а тот лишь отмахивается:

– Ерунда... Вы не пострадали? – пристально осматривает меня с головы до ног, и я медленно качаю головой:

– Нет... Спасибо за помощь. Не знаю, что бы делала, если бы не вы...

– Что за дурасть – хвататься так за крышку! – Семен поворачивается ко мне, смотрит с укором. – Головой-то надо думать, что делаешь!

– Я впервые в жизни обращаюсь с этим агрегатом, думаешь, могла сообразить, что можно делать, а что нет? – огрызаюсь нервно.

Семен порывается еще что-то сказать, его лицо краснеет, но Александр прерывает его, устало взмахивая рукой:

– Ну все, прекратите. Хватит ссориться. Главное, что все обошлось. Самовар почти вскипел – уже хорошо. Алина, у меня есть для вас еще одно задание...

После инцидента с самоваром меня посылают в курятник за яйцами. Семен пытается пойти со мной, но Александр его останавливает:

– Думаю, с этим-то Алина точно справится.

Откуда берётся эта уверенность, я не понимаю, но не решаюсь спорить. Слишком велика моя благодарность за спасение и, если честно, чувство вины. Потому что я до сих пор вижу красный отпечаток на лбу Александра. Круглый, ровный такой...

Выхожу на улицу, больше не в силах смотреть на его невольное кухонное ранение.

А там – весна.

Птички щебечут, лёгкий ветерок обдувает со всех сторон... Красота. Шагаю по влажной травке, изо всех сил вдыхая в себя запах прошедшего ночью дождя, влажной листвы и озона. Около курятника вижу растущее дерево, на котором уже проклевываются первые почки. Аж мурашки по коже от этой весенней красоты. Такой первозданной, несколько наивной и юной в городе точно не увидишь.

Все это немного стирает из памяти неприятную ситуацию, и я даже улыбаюсь. Может быть, все не так плохо? Может, я смогу здесь освоиться и привыкнуть к условиям и своим новым обязанностям? И... как-то выкрутиться из той ситуации с Толиком?

“Кто знает...”

С такими мыслями я открываю курятник. И, преисполненная надежд, захожу внутрь. Но тут же натываюсь на злобный взгляд чёрных маленьких глазок.

Делаю осторожный шаг назад. Один, другой...

“Нет уж, знакомства с живностью с меня пока хватит... К чёрту чувство вины, пусть Александр сам идёт за своими яйцами!”

Громкий гогот заставляет меня подпрыгнуть. Я роняю пустое ведро, которое ранее держала в руках, и изо всех ног несусь обратно к дому, пока очередное чудовище, которое я встретила на своем пути, не настигло меня!

– Mamochki!.. Помогите!

Однако здоровенный белый гусь, который вылетает из курятника, кажется, не намерен легко сдаваться! Он с бешеной скоростью бежит за мной, щипая за пятки!

Глава 4

Александр

Это не женщина, это беда.

Так я думаю, пока наблюдаю в окно за ее тщетными попытками убежать от гуся.

И как я вообще умудрился взять ее на работу? Зачем? Чтобы что? Неужели я был в своем уме, когда подумал, что такая неумеха, как она, способна шпионить?

– Может быть, она хорошо притворяется, – задумчиво произносит Семен, и я понимаю, что произнес последнюю фразу вслух.

– Может... Но очень уж сомнительно.

– Она была сильно растеряна, я бы даже сказал – напугана, когда увидела самовар, – насмешливо хмыкает Семен. – Я бы еще за ней понаблюдал. Уволить ее вы всегда успеете.

Кидаю раздосадованный взгляд на металлический агрегат, который припер из сарая.

Я уже жалею, что спрятал электрический чайник и заменил его этим чудовищем. Не нужно было этого делать. В итоге переиграл сам себя.

– Ладно, пойду спасать принцессу от гуся, – со смешком произносит Семен. – А то все пятки до крови исциплет...

– Не нужно. Я сам, – внезапно для самого себя отрываюсь я. – Налей пока чаю.

Сказав это, быстро выхожу из дома и тут же ловлю в свои объятия Алину. Как там сказал Семен? Принцесса? Она и есть. Смотрит на меня своими большими испуганными глазами, в которых стоят слезы. Жметесь к груди, вызывая странное желание защитить, уберечь...

“Черт...”

– Идите в дом, – сухо произношу я, но она внезапно упрямится:

– Нет! Вы дали мне задание, и я его выполняю! Только уберите от меня это чудовище-е-е!

Гусь разъяренно хлопает крыльями, подлетает к нам, намереваясь вновь напасть на Алину.

– Пшел отсюда! На жаркое пушу! – гаркаю я на несносную птицу, и та с гулким гаком шарахается от меня, как от прокаженного. Словно понимает угрозу.

– Спасибо. Вы снова меня спасли... – бормочет Алина. Я замечаю, как она дрожит, и осознаю, что легонько поглаживаю ее плечи в попытках успокоить. Тут же отодвигаюсь, откашливаюсь и холодно произношу:

– Не за что. Мы сегодня завтракать будем или нет?

Она смотрит на меня возмущенно, будто молчаливо говоря: “я сейчас тут такое пережила, а ты все о еде!”, но ничего не отвечает. Разворачивается и уходит обратно к курятнику, бросая мне:

– Я достану яйца, только проводите меня. Мало ли кого еще там встречу...

Спустя пятнадцать минут мы вновь оказываемся на кухне. Алина нервно поправляет свои потрепанные волосы и суетливо разбивает яйца на сковородку.

– Вы ее хотя бы разогрейте, – между делом советую я.

– Кого? – устало оглядывается Алина на меня.

– Сковороду. Как яйца жарить собрались без огня?

– А... Точно, – она бестолково хлопает глазами, и я, тяжело вздохнув, даю ей спички. Честное слово, лучше б Алина пыталась залезть ко мне в постель, чем была такой глупой неумехой... Тогда было бы проще?

“О чем я вообще думаю? Какая постель?”

– Вы самовар так и оставите на кухне? – ее голос выдергивает меня из странных размышлений.

– А он вам мешает?

– Хотелось бы иметь нормальный человеческий чайник, – ворчит она, зажигая плиту.

“Ну хоть с этим справилась... За ней глаз да глаз нужен...”

– Скоро я поеду в город, куплю, – не говорить же ей, что я его спрятал!

Алина замирает, ее спина напрягается.

– А можно я поеду с вами? – тихо спрашивает она, оборачиваясь ко мне. Еда на сковороде за ее спиной тихо шкворчит...

Почему человек, который так спешил в деревню из города, теперь спешит обратно? Неужели она хочет с кем-то связаться? Передать какую-то информацию?

Прищуриваюсь. Не нравится мне это. Но никаких весомых причин отказывать Алине сейчас у меня нет. Кроме того, если прослежу за ней, возможно выйду на ее мужа или помощника. В общем, на кого-то, к кому она так торопится...

– Да, конечно, – мягко улыбаюсь ей. – Если вы так хотите, почему нет? Но, в целом, я мог бы что-то купить для вас, если вам что-то нужно...

Алина неопределенно качает головой, чуть краснеет и бормочет:

– Так, по мелочи... Всякие женские штучки-дрючки, если вы понимаете, о чем я...

Молча киваю. Перевожу взгляд за ее спину и выдыхаю:

– Алина... Вы горите.

У меня уже просто нет никаких сил удивляться чему бы то ни было.

– Что? – она оглядывается и, взвизгнув, подпрыгивает на месте, машет руками, пытаясь потушить загоревшийся край кофты!

– Вы слишком близко стояли к плите!

Прежде чем она успевает еще как-то отреагировать, я подлетаю к раковине, наливаю стакан воды и выливаю ее на спину Алине.

– Ледяная-я-я-! – разносится ее крик по всей кухне.

И снова я вижу эти ее испуганные глаза и поистине огромные мурашки, марширующие по коже.

– Лучше замерзнуть, чем сгореть, вы не находите? – выключаю плиту и кисло осматриваю полностью сгоревшую яичницу. – Завтрака у нас сегодня, похоже, не будет...

– Простите... – Алина опускает взгляд, устало трет переносицу, явно расстроенная произошедшим. Мне даже становится ее немного жаль. Совсем немного, потому что я все еще помню, какой заносчивой может быть эта особа.

“Вполне возможно, что она просто хорошо притворяется... – напоминаю себе. – Не стоит верить этой чертовке”.

– Я устроилась к вам на работу, но пока что только все порчу, влипаю в разные ситуации, а вам приходится меня спасать, – Алина с досадой морщится. – Я привыкла быть, скажем так, “на коне”, привыкла побеждать. Справляться с разными неурядицами... Но здесь я столкнулась с тем, с чем не сталкивалась ни разу в жизни...

Мне хочется спросить, чем она питалась, раз не может приготовить даже банальную яичницу? Но я заталкиваю язвительные слова, готовые сорваться с губ, себе в глотку. И произношу совсем другие:

– Ничего, я все понимаю. Для этого как раз и нужен испытательный срок в тридцать дней...

“Который ты не пройдешь”.

– ... Как только он истечет, я доложу хозяину обо всех ваших результатах...

– Хотите сказать, что он не появится в течение всего месяца? – встревоженно распахивает она глаза.

Неопределенно качаю головой:

– Не знаю, не сообщал. А вам он очень нужен?

– Ну хотелось бы пообщаться... Хотя бы узнать, как он выглядит.

– Вам лучше думать о том, как бы освоить все свои обязанности, – несмотря на мягкую улыбку, слова звучат довольно жестко. Но я действительно не собираюсь миндальничать с Алиной.

Ее лицо оскорбленно вытягивается. А я любезно добавляю, забивая последний гвоздь в крышку гроба, где похоронено ее самообладание:

– Попрошу Семена на скорую руку соорудить нам завтрак.

– Считаете, что я не смогу осилить простую яичницу? – упирает руки в бока Алина. Ее грудь вздымается от негодования, а я вдруг ловлю себя на ощущении, что мне нравится видеть ее взбешенной...

“Глупости какие!” – отмечаю все странные мысли из головы и произношу:

– Ну вы только что мне это доказали, чего злиться? Успокойтесь, – миролюбиво улыбаюсь ей. – Лучше идемте в прачечную, я покажу вам, как работает стиральная машина...

– Я знаю, как она работает, не совсем же темная!

– Тем лучше, – моя улыбка становится шире. – Потому что вас ждет целая гора стирки!

Глава 5

Алина

Со стиркой-то я справлюсь. Справлюсь же, да?

Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз загружала своими собственными руками в стиральную машину белье, и не могу. Потому что этим занималась либо домработница, либо химчистка.

“Ладно, где наша не пропадала! Лучше загрузить стиральную машину, чем загрузиться в полицейский УАЗик в качестве преступницы...”

Покорно следуя за Александром. Из кухни мы спускаемся в подвал, где я с удивлением обнаруживаю стиральную машину, машинку для сушки, большую напольную сушилку с несколькими различными ярусами, гладильную доску с утюгом, модный отпариватель и... целую гору грязного белья. Здесь же на стеллажах находится и все остальное необходимое: стиральные порошки, кондиционер для белья, пятновыводитель, какие-то спреи, восковые карандаши, салфетки, мыло...

– Прошу, – широко улыбается Александр. – Научить вас управляться с машинкой?

– Я сама разберусь, – ворчливо отзываюсь я.

Он выглядит так, словно сомневается в этом. Чувствую себя оскорбленной, хотя понимаю его сомнения.

– Занимайтесь своими делами, а я займусь своими.

Александр насмешливо приподнимает брови. Знаю, что снова звучу так, будто отдаю ему приказ, но от привычек, въевшихся, кажется, в кровь, не так-то просто избавиться.

В конце концов, Александр сдается под моим решительным взглядом. Поднимает руки в защитном жесте и ненароком роняет:

– Хорошо, я буду рядом. Если вдруг поймете, что проигрываете этому стальному чудовищу, зовите меня, и я приду вас спасти. В конце концов, это скоро войдет в мою привычку...

Открываю рот, пораженная такой наглостью! Но прежде чем успеваю произнести хоть слово, он исчезает! Вот ведь хитрец!

Рассерженно оборачиваюсь к стиральной машинке и спрашиваю:

– Ну и что мне с тобой делать?

Делаю глубокий вдох и решительно принимаюсь за дело. Быстро запихиваю ворох одежды внутрь машинки, закрываю круглую дверцу. Проверяю, включена ли стиралка в розетку.

“Все отлично. Теперь порошок и кондиционер... Верно же? Как это один раз при мне делала домработница. Ничего сложного в этом нет. В конце концов, я же управляла целой компанией, разве я не в состоянии управиться с жалкой стиралкой?!”

С такими мыслями я осторожно сыплю немного порошка в одно отделение, кондиционер – в другое, а затем захлопываю ее прожорливую пасть. На выбор режима уходит совсем немного времени, и – вуаля! – стирка начинается!

Поскольку дел мне Александр пока больше не обозначил, оставшееся время я провожу на кухне.

Семен, соорудивший завтрак на скорую руку, убежал, кажется, помогать на огороде. И я с удовольствием завтракаю тем, что он приготовил: подрумяненными сосисками и яичницей-глазуньей. И запиваю все это ароматным чаем с ромашкой. Пока завтракаю, рассматриваю в окно внутренний дворик, по которому только недавно бегала, спасая свои пятки от кровавого жадного гуся.

Все происходящее до сих пор кажется мне странным. Нереальным. Будто происходящим не со мной.

Как так могло получиться? Как моя жизнь в мгновение ока повернулась на сто восемьдесят градусов? Еще недавно, скажи мне кто-то о том, что я прибую собственного мужа за измену, пушусь в бега, а потом буду спокойно распивать чай в каком-то захолустье, я бы pokrutila пальцем у виска.

А сейчас сижу и, кажется, даже привыкаю к своему сложному положению. И надеюсь на лучшее.

“Да, странно жизнь складывается...” – думаю я, а затем, нахмурившись, прислушиваюсь. Громкий стук, доносящийся из подвала, заставляет меня напрячься и мгновенно покрыться холодным потом.

“Ну что еще случилось?! Я ведь сделала все правильно!”

Подрываюсь с места и как оглашенная несусь в подвал, ожидая увидеть... да что угодно. Взорванная стиралка или застрявшая в ней одежда меня совершенно не удивят. Не удивлюсь я, кажется, даже десанту спецназа, если он успел там высадиться...

Выдыхаю с облегчением, когда вижу, что стиральная машинка работает и никаких солдат в подвале нет и в помине. Однако то, как воинственно стиралка подскакивает, меня напрягает. И то, что из нее лезет пена... такого же не должно быть, верно?

На мгновение застываю на месте, не зная, что делать. Звать Александра? Если снова опозорюсь, то он точно укажет мне на дверь. Нужно придумать что-то самой...

Присматриваюсь к таймеру на машинке. Осталось пять минут стирки, их-то, в целом, можно перетерпеть. Но стиралка, кажется, не хочет ждать... Она угрожающе дребезжа, ползет ко мне.

– Дорогая моя, может, ты остановишься? Ну, пожалуйста... Мне очень нужна эта работа... Любимая, ценная моя стиралочка... прошу тебя! – упираюсь руками в машинку, надеясь, что она закончит так шуметь, и Александр не прибежит сломя голову на эти пугающие звуки.

Пена, выползающая из этого чудовища, мгновенно покрывает мои руки, но я почти не обращаю на это внимания, гипнотизируя взглядом несчастный таймер, который отсчитывает последние минуты ее работы.

– Алина, у вас там все в порядке? – слышу голос Александра и мгновенно покрываюсь холодным потом. Только бы не зашел сюда!

– Все хорошо! – кричу ему в ответ.

Спустя пару секунд молчания он громко интересуется:

– А почему из подвала раздаются такие странные звуки? Вы мало вещей положили в стиральную машину?

– Я положила достаточно, все в порядке!

– Мне спуститься?

Хочется огрызнуться: “иди куда шел, только сюда дорогу забудь!”, но если я так отвечу, Александр точно появится!

– Не нужно! Я сама справлюсь! – отвечаю ему и тут же прикусываю язык. Сейчас он точно придет, ведь если звучит такая фраза, то значит что-то точно идет не так!

Однако шагов я не слышу. А затем Александр произносит:

– Ладно, если что – зовите.

Вцепляюсь изо всех сил в стиральную машинку, а затем, плюнув на гордость, сажусь на нее! Мы вместе куда-то едем, благо, что едем уже медленнее... А затем она затихает.

Вытираю пот со лба. Я справилась, я победила!

Спрыгиваю со стиралки, тщательно вытираю ее от пены и открываю. Выкладываю вещи в небольшой тазик, рассматриваю их... На глаза мне попадают шорты, которые, я точно это помню, были белыми... Но почему-то сейчас они имеют розовый цвет.

С недоумением рассматриваю вещи и не понимаю: как так получилось?

– Наверное нужно было разделять белое и цветное... – хлопаю себя по лбу и тяжело вздыхаю.

“Ладно, покрашенных вещей не так уж и много... В следующий раз буду аккуратнее. Блин, какая же вся эта домохозяйственная деятельность сложная!”

Вытаскиваю рубашку Александра. Рот сам собой открывается, а затем я нервно хихикаю.

Мало того, что она тоже стала розовой, так еще и уменьшилась в размерах! Напоминает игрушечную, размером подходит теперь разве что для ребенка. Кручу рубашоночку и так и этак, и не знаю, куда ее деть!

– Алина, а вы постирали мою любимую рубашку, да? – голос Александра заставляет меня подпрыгнуть на месте и ошарашенно уставиться на то, что превратилось в смешную тряпочку в моих руках.

“Бли-и-ин, теперь я точно влипла!”

– Конечно, постирала! – добавляю в свой голос как можно больше уверенности, а сама комкаю рубашонку и быстренько засовываю ее себе в лифчик!

В этот момент Александр как раз спускается. Оглядывает внимательным взглядом всю вакханалию, окружающую меня и, устало вздохнув, интересуется:

– Вам точно не нужна помощь?

– Точно, – цежу сквозь зубы я.

– Пена... Ее нужно убрать, – слегка неуверенно добавляет он.

Скептически приподнимаю бровь. Я, конечно, догадывалась, что он считает меня идиоткой, но не до такой же степени!

Кажется, Александр понимает, что совершил ошибку. Он смущенно чешет нос и бормочет:

– Ну раз я тут не нужен, то пойду... Если что...

– Вы будете рядом, я поняла, – раздраженно отзываюсь я. – Я позову, – добавляю уже заученную фразу.

“Да уходи уже быстрее!”

Словно прочитав мои мысли, Александр ретируется из подвала, оставляя меня в одиночестве.

В следующие полчаса я убираю всю пену и развешиваю выстиранное белье. Покрашенные вещи вешаю позади остальных, чтобы не так резко бросались в глаза. А рубашка...

“С ней придется что-то придумать”, – нервно думаю я, поднимаясь к себе в комнату. Мокрая, она намочила мне лифчик и холодит грудь, поэтому я быстро вытаскиваю рубашку и вешаю ее на батарею сушиться. Переодеваюсь и со стоном валюсь на кровать.

Еще даже двенадцати нет, а я уже так устала!

От обиды хочется разреваться.

Еще несколько дней назад у меня было все: квартира в центре столицы, несколько автомобилей, компания, которой я уверенно управляла, муж... А теперь я превратилась в домработницу, причем не в самую лучшую, не в ту, за которую будут бороться работодатели. И это, пожалуй, также неприятно, как и то, в какой ситуации я оказалась!

Я ведь привыкла быть лучшей. Во всем. И как-то само собой подразумевалось, что и с домашними обязанностями я тоже быстро справлюсь. Но реальность оказалась другой.

Закрываю глаза, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами, но злые слезы все равно текут по щекам. Отчаяние душит с такой силой, что больше нет возможности сдерживаться.

Но долго расклеиваться мне не дают.

– Алина! – доносится крик Семена с первого этажа.

Подрываюсь на постели, быстро вытираю слезы и выхожу из спальни, плотно закрывая за собой дверь.

– Ну что еще? – ворчливо спрашиваю я, надеясь, что он не заметит моих красных глаз.

Семен стоит в самом начале лестницы, смотрит на меня снизу вверх.

– Что-что... Обед готовить кто будет? Пойдем, помогу тебе!

Едва удерживаю на лице вежливое выражение. Черт побери, мне когда-нибудь здесь дадут отдохнуть?

“Ну а что ты хотела, работая на “дядю”? – шепчет мне ехидный голосок в душе, пока я спускаюсь по лестнице. – Либо так, либо в тюрьму...”

Но к последнему я точно не готова.

Спустя два порезанных пальца, один сломанный ноготь и выданный клочок волос у меня наконец-то получается более-менее приличный суп.

Семен тяжело вздыхает:

– Скажи мне, в каких ты раньше условиях жила, принцесса? Совершенно ж ничего не умеешь...

– Я быстро научусь, я способная! – деловито устроившись за столом, чищу картошку для второго блюда.

– Я вижу, – лениво тянет он. – Вон полкартошки срезаешь, умелица! Дай сюда! – он выхватывает у меня нож и овощ из рук. – Сил уже нет смотреть на это издевательство!

– А ну отдай!

– Что здесь происходит? – раздается ровный голос Александра.

Я замираю, а Семен вдруг почему-то начинает оправдываться:

– Да я тут Алину учу с картофелем обращаться...

– Я сама все сделаю! Суп уже, кстати, готов, вам налить? – обращаюсь к Александру.

Тот вздергивает бровь, явно заинтригованный:

– Если вы меня не отравите, я готов дать вашему супу шанс.

Чувствуя себя оскорбленной, упираю руки в бока:

– Я сама первая попробую его!

– О-о-о, я на это посмотрю! – веселится Семен, за что получает от меня уничтожающий взгляд.

Александр садится за стол, а я встаю к плите, беру тарелку и наливаю суп. “Пахнет, кстати, неплохо”, – проносится в голове быстрая мысль, которую тут же озвучивает и Александр:

– Запах обнадеживает. Надеюсь, вкус будет таким же аппетитным.

Чувствую, как губы расплзаются в улыбке. Когда меня в последний раз хвалили? От Толи этого можно было не дожидаться, он был весь в делах, а потом, как выяснилось, и по уши в своих новых отношениях... А подчиненные разве могут хвалить? Только подлизываться.

Ставлю тарелку перед Александром:

– Вот. Но я попробую первая!

Беру ложку и, зачерпнув немного бульона, мигом проглатываю его. А потом чувствую, как сжимается желудок.

– Вкус... специфический, да? – догадывается Александр и выхватывает у меня ложку.

– Не надо! – испуганно вскидываемся мы с Семеном, но уже поздно. Александр пробует суп и его лицо вытягивается.

– Я... кажется немного пересолила, – смущенно чешу кончик носа.

– Это можно поправить, – Александр встает из-за стола к раковине.

Настороженно слежу за его телодвижениями и когда замечаю, что он наливает воду из-под крана, перехватываю его руку:

– Что вы делаете?!

– Спасая ваш многострадальный суп, – усмехается он. – Может быть вы отпустите меня?

– О... Простите.

Странное смущение охватывает меня, когда я понимаю, насколько смелым был этот жест. Что это я вообще удумала? Так хватать почти незнакомого мужчину...

“Хотя он не один раз уже спасал меня, да и видел с самых не слишком презентабельных сторон... Так что, можно сказать, что Александр знает меня больше, чем многие друзья и знакомые...”

Тем временем он наливает воду в суп и вновь ставит его на огонь. На кухне воцаряется тяжелое молчание.

“Ну вот... Кажется, я снова проштрафилась. Что делать, если по истечении испытательного срока мне укажут на дверь?”

Эта мысль не задерживается в моей голове надолго. Главным образом потому, что вскоре приходится следить за супом, а остаток дня я посвящаю мытью полов и посуды. Последние дела мне, к моему удовольствию, удается сделать без приключений.

И в итоге я возвращаюсь в свою комнату под вечер. Возвращаюсь – и тут же спохватываюсь: рубашонка! Судорожно проверяю, не делась ли куда она, но нет, висит все так же на батарее, розовая и маленькая. Делаю себе мысленную пометку купить Александру новую рубашку, аналогичную испорченной, и подложить так, чтобы он ничего не заметил...

– Алина! – от его голоса, раздавшегося прямо за дверью, подпрыгиваю на месте.

Сдергиваю рубашонку с батареи, сую под подушку. Туда же он не сунется?

– Входите!

Дверь открывается, и Александр входит в комнату. Осматривается так, будто ни разу тут не был и, сложив руки на груди, произносит:

– Завтра с утра я еду в город. Вы, кажется, хотели со мной...

– Да! – едва не подпрыгиваю от радости. – Конечно, я обязательно составлю вам компанию!

– Хорошо. Но учтите, что вставать придется раньше, чем обычно, часов в пять. Пока доедем, пока на базар доберемся, пока там побудем...

– Я поняла! – счастливо улыбаюсь ему, и Александр, с недоумением пожав плечами, выходит.

А я рада тому, что смогу, наконец, купить новую сим-карту. Ведь что еще нужно современной женщине для того, чтобы быстренько научиться готовить? Правильно! Нормальный интернет!

Утро встречает меня дождём. Тихо и уютно он моросит по крыше, а прохладный ветерок дует через открытую форточку.

Заворачиваюсь в одеяло, намереваясь поспать ещё немного, но чертов петух в соседнем дворе начинает кукарекать, и сон с меня как рукой снимает.

Открываю глаза и несколько минут пялюсь в потолок. Шум дождя за окном умиротворяет, приносит облегчение. Совсем ненадолго, но все же разум проясняется от тяжелых муторных сновидений, мучивших меня всю ночь. Я даже не помню толком, что мне снилось, но послевкусие ото сна отвратительное. Поэтому прохлада, идущая от окна, немного освежает.

Медленно встаю и подхожу к окну.

Тёмные тучи низко нависли над землей и кажется, что дождь зарядил на весь день.

Взгляд падает на часы.

Пять утра. Как раз самое время для раннего завтрака. Уж в чем в чем, а в том, что я проспала, Александр не сможет меня обвинить.

Быстро накинув халат, я спускаюсь вниз, но тут же застываю на пороге кухни.

– Вы здесь, – мне не удаётся скрыть досаду в голосе, и Александр, очевидно, почувствовавший это, весело ухмыляется и отпивает из своей чашки кофе.

– И вам доброе утро! Налить вам напиток, с утра дарующий жизнь?

– Не откажусь, – бурчу я и тут же спохватываюсь: – Не нужно! Я сама!

“И вообще, это я должна была готовить вам завтрак... Почему вы встали раньше меня?”

Эти фразы повисают между нами в воздухе. Но Александр машет рукой:

– Садитесь, давайте я за вами поухаживаю. Сейчас так рано, можно притвориться, что нет никаких обязанностей...

Он находится в странном благодушном настроении, но почему-то это настораживает меня больше, чем если бы Александр кричал. Осторожно присаживаюсь на краешек стула и интересуюсь:

– В чем подвох?

Он наливает кофе и поднимает на меня ироничный взгляд. В глазах напротив я читаю: “думаешь, я тебе скажу?”

Кофе, скрепя сердце, я признаю превосходным. Но черта с два признаюсь в этом ему!

После недолгого молчания Александр наконец произносит:

– Нет никакого подвоха, просто у меня сегодня хорошее настроение. Сейчас позавтракаем и поедем в город, купим все необходимое...

– В такую погоду? – с удивлением спрашиваю я.

– А что такого? Мы же в машине поедем, а не пешком пойдем... Да и рынок, где будем делать основные закупки, находится под навесом.

За нашим коротким разговором я вначале не замечаю, как на столе появляются маленькие милые бутерброды с колбасой и сыром, небольшой салат и вазочка со всяческими сладостями. И я начинаю уплетать это за обе щеки, но внимание на это обращаю лишь тогда, когда половина бутербродов мной благополучно ухотчена.

– Ой, простите...

– Все в порядке, – мило улыбается Александр, и мне снова кажется, что я сделала что-то не так.

Мысль о том, что это все должна была делать я, не даёт мне покоя. Тяжело вздыхая и, быстро закончив завтракать, складываю посуду в раковину. После чего также быстро мою ее, чувствуя как взгляд Александра прожигает спину.

“Что ж... День обещает быть интересным...”

Глава 6

Алина

Путь до города занимает примерно час. Всё это время мы неловко молчим под заунывную музыку, льющуюся из динамиков магнитолы. Я пялюсь в окно на сочные зеленые поля, разделенные ровными рядами деревьев, на луга, на которых то тут, то там вспыхивают яркие соцветия желтых цветов. Одуванчики, может, не знаю. Я не слишком сильна в ботанике.

Я не сильна в том, что меня никогда не интересовало. Зато в том, к чему я питала интерес, я с легкостью добивалась высот. Последние же годы мне не было дела ни до чего, кроме бизнеса. Маленький магазинчик стройматериалов на рынке на окраине Москвы достался мне от отца. Мне было девятнадцать, и я училась в институте. Это был 2008 год, когда доступ во всемирный интернет только начал активно покорять наши умы. Папа ушел внезапно, за завтраком, оторвался тромб. Мама ничего не смыслила в бизнесе и вознамерилась продать дело отца. А я уговорила её рискнуть. Команду для создания сайта я собирала по всему вузу. Сайт писался буквально на коленке, фотографии товаров мы делали на выходных – у подружки была зеркальная камера Кэнон и весьма посредственное владение фотошопом. Но интернет-магазин материалов для стройки и ремонта неожиданно взлетел. То ли приближение весны сыграло немаловажную роль, то ли мне просто повезло из-за фактического отсутствия конкурентов в сети, но за последующие два года из маленького магазинчика на окраине Москвы мы перебрались в огромное складское помещение. К окончанию института я открыла первый физический магазин покрупнее – в новом торговом центре. Потом ещё один. И ещё. Так разрасталась моя сеть.

Толик – парень из тех, кто принимал непосредственное участие в написании сайта, впоследствии стал моим мужем и правой рукой. Он был моим партнером – во всех смыслах. Чем это закончилось, известно всем. Сволочь...

– Простите, что? – вырывает меня из воспоминаний удивленный голос Александра.

Я вздрагиваю, смотрю на него:

– Что? – звучит резко, с претензией, и я тут же закашливаюсь: – Извините, что вы сказали?

– Я сказал? – он округляет глаза. – Это вы, Алина, всю дорогу пыхтите себе под нос: “сволочь, козёл, урод”. Я уж подумал, не меня ли вы часом решили пропесочить.

Чувствую, как лицо стремительно загорается румянцем. Открываю рот, чтобы сказать, что не его, а мужа, некогда дорогого и горячо любимого, но так и сижу с открытым ртом.

Нельзя признаваться. Нельзя никому говорить о себе. Не ровен час, кто-то прознает, что я уколошила Толика, и я отправлюсь напрямиком на нары.

– Видимо, задремала, – вру Александру. – И мне приснился ваш противный гусь.

– Никакой он не противный, – обижается тот и отворачивается от меня, концентрируя взгляд на дороге.

Остаток пути мы снова молчим. Только теперь я тщательнее контролирую свои мысли и свой глупый рот, который словно нарочно так и норовит растрепать все мои грязные секреты кому попало.

Александр паркуется через дорогу от центрального рынка. О том, что это он и есть, я узнаю от самого мужчины, который покидает салон и стоит на улице, дожидаясь меня.

– Нам сюда, – бросает он мне, когда я наконец выбираюсь. Тело, разомлевшее в дороге, не слушается. Уже и не припомню, когда вставала в такую рань! – В принципе, тут можно найти всё необходимое.

Я осматриваю многочисленные ряды палаток со шмотками. Ощущения такие, словно очутилась в прошлом, во временах моего детства, когда поголовно вся страна одевалась на Черкизовском или более “дорогих” Измайловском или Петровско-Разумовском рынках. Совсем уж “элита” посещала рынок в Лужниках – судя по тогдашним ценам, столичный пафос зарождался где-то там. А уж самые продвинутые отыскивали где-то в недрах дохренаэтажных общежитий вьетнамские рынки, пахнущие острой лапшой и жареным мясом, где “писят” могло значить и пятьдесят, и сто пятьдесят и пятьсот, но легко можно было сторговаться на более приемлемую цену.

Игнорируя наземный переход, Александр перебегает дорогу в неположенном месте, прямо за своей машиной. А я, озираясь по сторонам, боязливо вприпрыжку следую за ним.

– Ну неужели так сложно пройти каких-то жалких двести метров! – пеняю ему.

– Так нет же никого, – пожимает он плечами. – Что проку понапрасну стаптывать обувь?

Возразить мне нечего, и эта глубокая мысль провинциальной философии повисает между нами. Я следую за ним мимо торговых рядов, гляжу во все глаза на давно забытые картины: как люди меряют одежду, стоя на картонках, прикрываясь простынёй на веревке, и не могу отделаться от стойкого ощущения дежавю. Словно сейчас мама мне скажет: “Алина, смотри какие джинсы со стразами, иди померяй!”

Тут же натыкаюсь взглядом на одни такие, и с моих губ слетает смешок. Александр оборачивается, смотрит озадаченно, но я делаю вид, словно это не я. Покерфейс моё всё.

За массовым скоплением торговых рядов, где не хватает только тележек с криками “дорожку, дорожку” или “чай, кофе, телефонные карты” – тоже довольно яркие детские воспоминания о вещевых рынках, – я не сразу замечаю большое белое одноэтажное здание, больше похожее на манеж. Но на крыше гордо возвышается транспарант “Ивановский торговый комплекс”, а на своде арки над одним из входов написано “Добро пожаловать!”.

“Должно быть, это и есть сам центральный рынок”, – догадываюсь я, рассматривая фасад со множеством магазинчиков и рекламных вывесок.

“Связь” – гласит один из плакатов, и я понимаю, что мне нужно туда. О чём и сообщаю Александру:

– Мне нужно в магазин связи.

– Зачем? – спрашивает он.

– Затем, – не поведя и бровью, нагло отвечая ему. А потом напрямик двигаю туда. Пятой точкой чувствую, что мужчина идет за мной, и невольно замедляю шаг, делая походку более плавной, от бедра. И в тот же момент, несколько увлекшись этой чёртовой походкой, наступаю левой ногой в выбоину на асфальте, и едва не падаю, вихляя резко в сторону.

Тут же на талии смыкаются горячие сильные руки.

– Под ноги смотреть надо, знаете ли, – назидательно говорит мне Александр, помогая занять устойчивое вертикальное положение.

– И что бы я без вас делала! – ехидно замечаю я.

– Не знаю, – отвечает он серьезно, словно не замечая иронических ноток в моём голосе.

Пока размышляю, что на это возразить, мы достигаем трёх ступенек порога, поднимаемся, и Александр галантно открывает передо мной двери магазина.

Я сходу говорю продавцу:

– Мне нужна сим-карта без оформления по паспорту.

– Так не положено, – отвечает мне прыщавый патлатый пацан. И разводит руками в качестве окончательного аргумента, призванного меня убедить в правдивости его слов.

Я горько вздыхаю.

– Что такое? – подозрительно спрашивает мой спутник.

– Паспорт забыла, – снова вру я. – А мне симка нужна просто позарез!

Он вздыхает, на миг прикрывает глаза. Извлекает из нагрудного кармана рубашки паспорт в простенькой кожаной обложке с гербом и говорит:

– Выбирайте оператора.

– А какой у вас лучше ловит?

Он снова вздыхает, называет пареньку за кассой оператора и даже тариф, протягивает паспорт для оформления. И даже сам оплачивает. Ну разве не душка?

Но стоит нам выйти на улицу, Александр останавливается прямо передо мной, спустившись на пару ступенек. Таким образом мы оказываемся примерно наравне. Он смотрит в мои глаза и проникновенно говорит:

– Надеюсь, мне не придётся об этом пожалеть и вы не окажетесь какой-нибудь мошенницей, Алина.

От его серьёзного взгляда меня пробирает до костей.

“Я не преступница”, – хочу сказать ему, но язык не поворачивается.

Я прибила Толика. Пусть случайно, но всё же прибила.

А в следующий момент я вижу, как целенаправленно к нам приближаются двое полицейских.

Первая паническая мысль: “Мне конец!” сменяется другой: “Нужно что-то делать!”

Но так как времени на раздумья у меня почти нет, я резко подаюсь вперёд и целую Александра.

В карих глазах мужчины вспыхивает такое неподдельное изумление, что мне хочется рассмеяться. Но в следующее мгновение он как-то обреченно вздыхает в мои губы, широкие ладони ложатся поверх моих бедер, и Александр полностью перехватывает бразды правления. А я – прирожденный лидер, руководитель, не привыкшая уступать, сейчас почему-то уступаю. Податливо раскрываю губы, когда он прикусывает мою нижнюю губу, позволяя ему быстрым движением языка вторгнуться в мой рот. В рецепторы ударяет пряный, мускусный вкус – настоящий вкус мужика. От этого сводит внутренности, поджимаются пальцы ног, кожа покрывается мурашками...

Всего одно крошечное мгновение сладкой неги – пожалуй, все сильные женщины мечтают о таком вот моменте обычного бабского счастья, когда можно почувствовать себя не вечно пашущей кобылой, а простой женщиной – желанной, трепетной, воделеющей. А потом всё заканчивается. Александр обрывает поцелуй. Вежливо отодвигает меня от себя, упрямо сводит брови и спрашивает на грани грубости:

– И что это за выкрутасы?

Я чуть покачиваю головой, сбрасывая оковы наваждения, хмельной туман в голове постепенно рассеивается. Я смотрю по сторонам и не вижу полиции. Широко улыбаюсь Александру:

– Забейте, я просто поблагодарила вас за помощь с оформлением симки!

Резко обхожу его и движусь дальше.

– Алина! – кричит мне в спину Александр. – Простого “спасибо” было бы достаточно.

– Я учту! – не оборачиваясь, говорю ему.

– Алина! – снова зовет он.

Я останавливаюсь, закатывая глаза. Медленно поворачиваюсь к нему.

– Ну чего ещё?

– Нам в другую сторону, – ухмыляется он, кивая на двери в арке. – А точнее, внутрь крытого рынка.

Как ни в чем не бывало иду ко входу. Слышу хмыканье за спиной, но не собираюсь реагировать. Как и хоть малейшим видом показывать, что наш спонтанный поцелуй почему-то полностью выбил меня из колеи.

– Красавица, подойди-ка сюда, посмотри, какие красивые помидоры! Возьми один, попробуй, сладки-и-и-ий!

– Нет, спасибо, – смущенно открешиваюсь я от назойливого продавца, который практически пихает мне в руки несчастный овощ. Александр, стоящий рядом, лишь усмехается и жестом показывает мне идти дальше.

Крытый рынок, куда мы пришли, поражает своими размерами. Длинные ряды, установленные друг за другом, ломаются от продуктов. Здесь есть и свинина на костях, и большие ломти говядины, и треугольники пахучего желтого сыра. Столы ломаются от бутылок с парным молоком и лотков с творогом... Все деревенское, натуральное.

Людей, кстати, много. Все они, привлеченные свежими продуктами, так и рвутся к прилавкам, суетятся, стремясь отхватить для себя кусок побольше, получше, посочнее.

Александр тем временем задумчиво проходит мимо, а я иду за ним. А потом не выдерживаю, спрашиваю:

– А почему мы ничего не берем?

Склонившись ко мне, он вполголоса отвечает:

– Думаете, здесь все свежее и хорошее?

– А разве нет?

– Все только выглядит таким. Чтобы выбрать по-настоящему хороший товар, нужен острый глаз, острый нюх и опыт. Вот, например, помидоры, которые вам предлагал тот мужчина, не очень хорошие. Зуб даю, что на вкус как пластиковые будут. Действительно хороший товар не всегда нуждается в рекламе, – он кивает на дальнюю палатку, у которой я замечаю большую толпу. – Там продаются вкусные томаты, азербайджанские, сладкие... Но цена, конечно, на них... – Александр с тяжелым вздохом качает головой, – космическая.

Складываю руки на груди. С этим я, пожалуй, могу ему помочь...

– И что же, цену вы никогда не пробовали скинуть?

– Просто посмотрите, сколько у них клиентов... Не думаю, что они захотят скинуть хотя бы рубль.

С тихим смешком складываю руки на груди. Что ж, можно попробовать сбить цену... Но прежде всего нужно дождаться, когда будет не так много народа.

Тем временем Александр ведет меня дальше, в ряды с мясом и салом. Долго и придирчиво рассматривает куски, предложенные продавцом, и внезапно морщится.

– Что такое?

– Видите? – он показывает на краешек мяса, спрятанный за другими, более большими ломтями.

– Ну да, а что?

– Любезный, а покажите нам вот этот кусок...

Продавец, лысеющий мужичонка лет пятидесяти, суетливо заламывает руки:

– Ой, господа хорошие, я вам другой сейчас выложу, он получше, посочнее... Посмотрите, какой насыщенный красный цвет...

– Нет, – стоит на своем Александр. – Мне нужен именно тот, на который я показал.

Продавец недовольно кривится, но все же выполняет просьбу. Вскоре я понимаю, почему Александр попросил его выложить это мясо передо мной. Весь кусок желтый и даже на вид кажется каким-то несвежим. А уж когда я беру нож и пытаюсь его проткнуть, то осознаю, что сделать это не так-то просто. Кусок кажется каменным.

– Вот это пример залежавшегося, старого продукта, – шепчет мне на ухо Александр, отчего по шее почему-то бегут мурашки. – Здесь лучше ничего не брать. Неизвестно, что они в мясо свое добавляют... Пойдемте дальше.

У соседнего прилавка он, кажется, находит то, что ему нужно. Мы покупаем большой кусок свинины на кости, грудинку, а еще шмат сала, от которого так вкусно пахнет чесноком, что у меня невольно текут слюнки.

А затем, когда мы вновь проходим мимо рядов с овощами, я замечаю, что очередь у заветной палатки с помидорами рассосалась. Хватаю Александра за руку и тащу за собой.

– Уважаемый! – с широкой улыбкой встаю перед продавцом. – А взвесьте-ка мне пять кило азербайджанских помидоров!

Тот услужливо улыбается мне:

– Тебе все, что угодно, красавица! Побольше или поменьше томаты?

Вопросительно смотрю на Александра, а тот, замешкавшись, все же отвечает:

– Поменьше.

В его взгляде вижу вопросительные нотки, но он предусмотрительно не вмешивается, кажется, ведомый любопытством. “Что ты задумала?” – читается в его взгляде, но я упорно молчу. И лишь когда продавец набирает мне целую сумку, подхожу ближе. Кривлю губы:

– Так ли хороши ваши томаты? Я вон вижу на одном пятнышко, другой мятый... Что вы мне положили?

– Ох, прости, красавица, я сейчас же все поменяю!

Он знает, что я придираюсь, но не перечит. Послушно исправляет то, что в исправлении не нуждается.

“Опытный...”

– Цена конечно великовата для такой продукции...

Продавец с глубоким вздохом сожаления ставит пакет, наполненный помидорами, перед собой и отвечает:

– Голубушка, я не могу снижать цену, я ведь не хозяин, а человек подневольный...

– А я как раз искала того, с кем смогу договориться на покупку овощей для закуток... – медленно тяну я. – Но если вы не хотите получить такой заказ... Александр, сколько кило нам нужно будет?

– Пятьдесят, не меньше, – с готовностью поддакивает он мне, а глаза продавца загораются.

– Ну что ж, – он потирает руки. – Я смогу снизить цену на пять рублей...

– Это несерьезно. На пятьдесят.

– Пятьдесят? Это же грабеж! – его лицо вытягивается. – На десять!

– На сорок пять!

– Вы посмотрите на нее! На двадцать!

– На сорок, – настаиваю я.

– На двадцать пять!

– На тридцать пять!

– На двадцать пять!

– На тридцать пять, и это мое последнее слово! – остаюсь я непреклонна. – Так и вы не потеряете, и мы останемся в выгоде!

Продавец поджимает губы, но все же сдается:

– Что ж, ладно... Пусть будет по-вашему. Дам вам свою визитку, когда понадобится товар в больших количествах, обращайтесь к нам! И ни к кому другому!

– С вами приятно иметь дело, – мило улыбаюсь ему, чувствуя, как сладость этой маленькой победы кружит голову.

Глава 7

Алина

В итоге, рынок мы покидаем все обвешанные пакетами. Посмеиваясь, Александр говорит:

– Ну всё, Алина, решено: теперь на все закупки я буду брать вас с собой! Ловко вы торгуетесь! И где только научились?

Я напускаю туману в глаза и скромно отвечаю:

– Александр, ну должны же быть у женщин свои секретки!

Несмотря на то, что голос мой звучит игриво, а на губах расплзается широкая улыбка, я отчасти испытываю угрызения совести после этих слов. Уж слишком большой мой секрет. Не секрет, а секретнице – настоящий скелет, только не в шкафу, а на полу гостиной.

Дальше мысли текут по уже знакомому сценарию. “Интересно, – думаю мне, – Толика уже нашли? А меня ищут?..”

Настроение привычно скатывается на самое дно. И это не укрывается от моего спутника.

– Алин, всё нормально? Вы как-то резко вдруг побледнели...

– Да просто хочу есть, – брякаю я.

– Тогда я организую для вас лучший пир в вашей жизни! – хмыкает он.

Мы добираемся до его автомобиля, и он сгружает пакеты прямо на заднее сиденье. Шебуршит в них, и вскоре протягивает мне криво оторванный кусок лепёшки, перо сочного и свежего зелёного лука и тот самый пресловутый томат, который попросту трёт о свою рубашку, прежде чем отдать.

Я чуть озадаченно смотрю на всё это действо, и тогда Александр говорит мне:

– Не стесняйтесь, лопайте на здоровье, сейчас заскочим еще по моим делам кое-куда, а потом уже только домой. Приедем не раньше обеда, который ещё ведь приготовить нужно... Так что, перекусите, Алина, пока на ходу.

Я с сомнением смотрю на еду перед собой, но это сочетание запахов – чуть тепловатой после тандыра, свежей лепёшки и лука – моментально наполняет рот слюной. И вдруг думаю: а чего я, собственно, теряю? И откусываю немного. А потом отбрасываю все мысли в сторону и надкусываю сочный розовый помидор, настолько сочный, что его сок брызжет во все стороны и стекает по лицу к подбородку, кажется даже капает на грудь, и я кое-как утираюсь тыльной стороной руки. А когда доедаю, Александр, который пялился на меня всё это время, подходит ближе и неожиданно касается моей щеки, слишком близко к уголку моих губ. Этот момент кажется мне куда интимнее нашего недавнего поцелуя. От немного грубоватого прикосновения сердце в груди начинает заходиться частыми, громкими ударами.

– Испачкались, – трёт кожу, скользит большим пальцем по губе. – Вот так лучше.

Он поспешно убирает свою руку, чуть заметно хмурясь. А я говорю непослушными губами:

– С-спасибо!

– Ага, – кивает. – Готовы ехать?

– Да, конечно, – киваю в ответ. А про себя думаю: “Соберись, Алина! Ты – колбаса деловая, ещё давай влюбись как сопливая девчонка!”

Наконец мы садимся по своим местам. Едем недолго, я разглядываю городские улочки и дома, лишь бы не пялиться на Александра. А когда он паркуется у вполне современного офисного здания, вижу примерно в одной автобусной остановке большой торговый центр.

– Хотите подождать меня в машине или прогуляться? – вежливо уточняет мужчина. Но при этом я сразу отмечаю, что пойти с ним он мне не предлагает. – Мне нужно уладить пару вопросов, это займет примерно час.

– Тогда я прогуляюсь до вон того торгового центра, – говорю ему, махнув рукой в нужном направлении. – А, скажем, через часик встретимся на этом же месте.

– Отлично, – улыбается он, но улыбка не касается его глаз.

Первым же делом отыскиваю магазин одежды попроще. Беру не одну, а сразу пяток мужских рубашек – на всякий случай. Одну я уже испортила, и как знать, насколько удачной будет следующая стирка. Размер подбираю на глаз, но не думаю, что с этим будут проблемы. Александр чуть крупнее Толика.

“Вазой такого не прибьешь”, – мрачно думается мне.

Закатив глаза, направляюсь к женскому отделу. Набираю несколько футболок, кофту на молнии и спортивные штанишки. Поразмыслив немного, беру ещё упаковку слипов и носков. Оплачиваю покупки на кассе и сразу же ныряю в соседний магазин, обувной. Там примеряю удобные кроссовки, беру пару кроксов – самое оно, чтобы выскакивать во двор. И в довершение моего спонтанного шопинга я заскакиваю в магазин косметики, где совершаю еще несколько необходимых покупок.

Уже почти дохожу до выхода, когда меня прошибает ледяной озноб. Я оплатила покупки своей картой! А значит, скоро меня найдут!..

Озираясь по сторонам в поисках полиции, уже спешащей по моим пятам, я бросаюсь к банкомату и полностью снимаю все средства с карты. А потом сминаю её пополам и засовываю в самый низ урны, под чеки и прочий мусор. Распикиваю наличку по всем карманам и ощущаю себя при этом странно. Как стриптизёрша после удачной ночи на шесте – столько мелких и средних купюр у меня в руках давно не было.

Потом я медленно иду к выходу, глядя по сторонам. А заметив сквозной магазин со всякой всячиной, направляюсь через него, подхватывая с витрин дурацкую широкополую шляпу, легкий платочек в чёрный горошек и широкие солнечные очки.

Выйдя в параллельный коридор торгового центра, заскакиваю в туалет, быстро повязываю платок и надеваю шляпу. Осматриваю себя – вроде неплохо! – и напяливаю очки, которые теперь прикрывают половину лица. Практически бегу к выходу, стараясь прятать лицо от камер. И выдыхаю только на улице.

Быстрым шагом тороплюсь вернуться к месту встречи. Ещё издали вижу крупную фигуру Александра, который сидит на капоте и смотрит прямо на меня, но быстро теряет интерес и переводит взгляд куда-то мне за спину. Я дохожу до него и притормаживаю.

Мужчина лениво переводит взгляд обратно на меня.

– Вы что-то хотели, девушка? – спрашивает он.

Я стягиваю очки:

– И снова здравствуйте!

– Алина?! – он закашливается.

– Решила немного сменить стиль, – улыбаюсь ему.

– Вам... идет. – Он с сомнением смотрит на груды пакетов в моих руках. – Стиль решили менять конкретно, судя по покупкам?

– Ой, ну скажете тоже! – я жеманно хихикаю. – Может, вы уже поможете мне с этим?

– Давайте уберем ваши покупки в багажник, – отмирает он.

Выхватывает у меня пакеты, расставляет их в багажнике с такой доскональностью и средоточием, что я начинаю волноваться, не заглянет ли он внутрь. Но вот Александр захлопывает багажник и бросает мне:

– Теперь можно и домой.

– Ура! – радуюсь я.

Вполне искренне, кстати. Не терпится убраться подальше от города, торговых центров с камерами и полиции, которая, как мне кажется, уже дышит мне в спину.

Дома – ну, в хозяйском доме, разумеется, мне приходится первым делом разбирать покупки. Как того велит Александр. Я торопливо засовываю продукты в холодильник, то и дело скашивая глаза в сторону завалившихся пакетов с одеждой, которые мужчина сгрузил в кучу почти у самых дверей кухни. И из одного из этих пакетов торчит рукав белой рубашки, уж слишком выдавая меня.

Поэтому я выдыхаю, когда с делами покончено.

– Могу я подняться к себе и переодеться? – спрашиваю чисто для вида у Александра, на что он кивает:

– Да, конечно. А потом приступайте, пожалуйста, к приготовлению обеда.

– Спасибо, – язвительно фыркаю я. Из глупого рта практически вырывается “барин”, но в последний момент я делаю вид, будто закашлялась.

Быстренько шурую с кухни, хватаю пакеты и прячусь в выделенной мне комнате. Рассовываю вещи по шкафам, с особой тщательностью пряча рубашки, купленные взамен испорченной и на ту перспективу, если следующие постигнет та же участь. Потом прячу деньги под матрас. А потом уже переодеваюсь, достаю из чемодана выключенный телефон и извлекаю сим-карту. Ловко ставлю новую, включаю смартфон и жду.

Когда экран загорается, и на нём виднеются вожаемые палочки, обозначающие, что сеть ловит превосходно, открываю браузер и... ни-че-го.

Страница не грузится, выдавая ошибку.

Я проверяю настройки телефона, убеждаюсь, что мобильный интернет подключен, снова жму на кнопку поиска. И снова – пустота.

Хмурясь, спускаюсь в поисках Александра, но его, как назло, нигде не видно. По кухне шныряет только Семён.

– Обедать-то сегодня будем или как? – нахально спрашивает он, но я даже не обращаю внимания на его претензию и тон.

– И вам здравствуйте, – широко улыбаюсь ему. – А вас-то я и ищу!

– Меня? – опешив от неожиданности, переспрашивает он. – А зачем?

– А скажите-ка мне, любезный, – усиленно хлопая глазками, завожу я. – У вас тут интернета совсем нет, что ли?

– Чёй-то нету, есть же! – отзывается он. – Просто иногда связь плохо ловит, особенно в доме. Но на большой поляне, – он машет в сторону сарая, туда, где гуляет птица и прочая живность, – обычно бывает. Али где повыше – там наверняка.

– Ага, понятненько, – улыбаюсь еще шире. – Спасибочки, Семёнчик, вы мой спаситель!

Посылаю ему воздушный поцелуй, едва сдерживая смех при виде, как он стремительно краснеет, и уношу ноги с кухни, пока Сема снова не завёл свою песню про обед.

Будет вам обед, мужланы деревенские. Будет. Но только когда Алина поймает интернет!

Выскакиваю на улицу, засунув ноги в первые попавшиеся галоши, которые мне велики размера на четыре. Пересекаю в них двор, чувствуя себя клоунессой – мне приходится смешно перебирать ногами, делая упор на пальцы ног и подтягивая пятку, чтобы не растерять на ходу эти чертовы пережитки резинового производства.

Наконец, я достигаю калитки, ведущей на птичий дворик – или большую поляну, как сказал Семён. Озираюсь по сторонам, осторожно выхожу в самый её центр. Нажимаю кнопку “обновить” в браузере. Эффекта ноль.

Поднимаю руку максимально вверх в надежде поймать интернет, но это действие приносит ровно столько же результата. Нисколько.

Подпрыгиваю на месте с вытянутой рукой. Потом решаюсь подкинуть смартфон подальше в небо – я видела, что так делали в какой-то дурацкой комедии, поэтому, в целом-то, даже не удивляюсь, что и этот способ не работает.

– Да чтоб тебя! – рычу сквозь зубы.

И вдруг слышу за спиной отчетливое:

– Га-га-га.

Замираю. А потом до меня долетает уже более близкое: – Га-га-га!

Осторожно поворачиваю голову и сразу же вижу важно вышагивающего ко мне гуся. Пока вышагивающего. То, что это – мой старый знакомый, я понимаю сразу. И сразу вспоминаю, какую невероятную скорость он может развивать. Феррари, а не гусь!..

Медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, вышагиваю из огромных галош. И тут же бросаюсь наутек. А гребаный гусь с диким гоготом, больше похожим на безудержное ржание – словно он надо мной угарает, – торопится меня догнать.

До калитки остается каких-то жалких сотня метров, когда я чувствую, как его противный клюв – или как там его пасть называется?! – прихватывает край моей штанины. И понимаю: дальше в ход пойдут голые пятки. И у меня нет времени открыть калитку и скрыться от этого дьявольского существа. Поэтому резко сворачиваю направо, рассчитывая сделать круг по поляне и оторваться от него.

Но нелепое создание, поднявшееся прямым из адского пекла мне в наказание, решает вдруг срезать путь и бросается прямым на меня. Наверное, глупо было думать, что он победит по такой же дуге, но сейчас мне не до размышлений. Мозг отчаянно ищет путь спасения, и неожиданно на глаза попадает роскошная ветвистая яблоня. И я бросаюсь к ней.

Подбегая, я, особо не размышляя, сую телефон в рот и крепко зажимаю его губами, стараясь не раздавить от усердия защитное стекло зубами. А освободив руки, тут же цепляюсь за ветку, подтягиваюсь – вот не зря всё-таки трижды в неделю ходила на фитнес! – и повисаю животом на ней. Не дожидаясь, достанет до меня гусь или нет, хватаюсь за следующую ветку. Потом за ещё одну. И оказываюсь примерно посередине высокого дерева. Усаживаюсь, несмотря на подозрительный хруст, даже расслабляюсь. Достая изо рта телефон и кричу вниз, гусю:

– Вот дождёшься ты у меня! Как только начнёт грузить интернет, сразу же найду рецепт как запечь тебя с яблоками!

И тут меня осеняет: а может, я достаточно высоко, чтобы поймать сеть наконец?!

С надеждой смотрю на экран, но интернет, как не грузился, так и не собирается.

От досады хочется плакать. А ещё больше – от того, что я вдруг замечаю, что на трясущихся от усталости и стресса руках ногти все переломаны, а ладони покрыты ссадинами.

Гусь тем временем теряет ко мне интерес и вальяжной походкой удаляется куда-то к центру поляны. Я смотрю ему вслед, перевожу взгляд вниз и понимаю: мне ни за что не спуститься отсюда самостоятельно. Наверх то я карабкалась на чистом адреналине, а сейчас трясусь как осиновый лист на ветру.

Так и сижу, жалея себя, пока в поле зрения не появляется Александр. Он как раз идет откуда-то со стороны сараев, тащит в руках какую-то кастрюлю и вдруг замечает одинокие галоши, стоящие ровненько по центру поляны.

Изучает их некоторое время, озирается по сторонам, но ещё не видит меня.

Ну правильно! Кому придёт в голову глазеть на деревья?

Тяжело сглатываю, не желая привлекать к себе внимание и позориться, но выхода нет.

– Я тут! – кричу ему.

Он крутит головой, но всё ещё не видит меня.

И тогда я добавляю чуть громче:

– Я залезла на дерево. Случайно. А теперь не могу слезть.

Александр изучает деревья на участке, пока его взгляд не останавливается на мне. А потом запрокидывает голову назад, и его залихватистый смех оглашает всю округу.

Отсмеявшись, мужчина направляется ко мне. Ставит свою посудину под деревом и спрашивает:

– Стесняюсь спросить, как же вас так угораздило?

– Это всё ваш дурацкий гусь! – с обидой заявляю ему. – Он точно хочет меня сожрать.

– Такую сожрёшь, – хмыкает он себе под нос.

– Эй! Вообще-то я всё слышу!

– Считайте это комплиментом, – скалится этот нахал.

– Сомнительно, но ок! Только снимите меня отсюда, – прошу его. – Страсть, как надоело уже тут болтаться!

Я думаю, сейчас он принесёт мне лестницу или типа того, но мужчина неожиданно ловко взбирается по веткам до меня и, удерживаясь одной левой, протягивает мне раскрытую ладонь.

Я смотрю на него с сомнением, и он улыбается:

– Ну же, Алина, не бойтесь, я вам помогу. Буду держать. Крепко. Не позволю вам упасть. Ни за что!

Я смотрю в его карие глаза, обычно смеющиеся, но сейчас абсолютно серьёзные, и спрашиваю внезапно севшим голосом:

– Обещаете?

– Обещаю.

И, стараясь не обращать внимания на его внимательный взгляд, пихаю телефон в кружевной лифчик и доверительно вкладываю пальцы в его ладонь.

Если его что-то и смущает, то виду не подаёт. Придерживает меня. Крепко, уверенно, позволяя опуститься на ту же ветку, где стоит он сам. Помогает мне сесть на неё, контролируя каждое моё движение. Не позволяя мне оступиться, упасть.

– Вот так, Алина, – ободряюще говорит мне. – Сейчас я спущусь на ветку ниже, и мы сделаем это снова.

Когда я наконец оказываюсь на нижней ветке, Александр ловко спрыгивает на землю и говорит мне:

– Прыгайте, я поймаю вас.

Он протягивает руки. Я знаю, что стоит мне соскользнуть с дерева, как я практически моментально окажусь в его объятьях, и делаю это. Зажмуриваюсь, а в следующее мгновение чувствую, как хватка сильных рук сжимается на талии, и я приземляюсь на землю. Рядом с ним.

Он не торопится отпрянуть. Стоит, рвано дыша мне в лицо. Его дыхание горячее, практически обжигающее. Я нервно вздыхаю, открываю глаза и натыкаюсь на его взгляд.

– Вот видите? – тихо говорит Александр мне. – Ничего страшного не случилось.

Его руки всё ещё удерживают меня, и я неосознанно лгну к нему.

– Вы снова меня спасли, – говорю томным голосом. – Герой. Настоящий мужчина.

– Ну вы не оставляете мне выбора, вечно попадая в дурацкие ситуации, – хмыкает он. – Но я вовсе не прочь, если вы снова пожелаете меня поблагодарить. Как тогда.

В глубине его глаз снова вспыхивают искорки веселья, и я закатываю глаза, моментально понимая, что именно он имеет в виду. Наш поцелуй на рынке.

– Спа-си-бо, – произношу по слогам, выдавая ему свою лучшую улыбку. – Кажется, тогда вы сказали, что этого вам вполне достаточно!

Александр ухмыляется, разжимает руки и говорит:

– Ну раз с обменом любезностями покончено, давайте займёмся обедом. У меня тут возникла великолепная идея...

Предчувствуя, что она мне не понравится, я спрашиваю:

– Да? И какая же?

– Сейчас мы с вами будем готовить на мангале щи!

– Класс! – скептически бросаю ему, перехватывая насмешливый взгляд. По спине прокатывается целое стадо мурашек.

Я не то, что на мангале, я и обычные то щи не умею готовить! Я их и не покупала то никогда. Ни щи, ни борщи. Я, кажется, после детского сада вообще капусту на дух не переваривала.

Но, поскольку выбора у меня нет, я покорно иду за Александром.

– А вот с этой вырезки, – говорит мне мужчина, – получится отличный, наваристый бульон. Самое оно для щей, вы же понимаете?

– Угу, – киваю я с умным видом, пытаюсь совладать с картофелиной, которая постоянно выскальзывает из рук.

Александр подходит ближе, осматривает сиротливую, всю кривую и косую картошку – одну-единственную, которую я успела почистить за прошедшие пятнадцать минут, когда он успел выгрести половину холодильника на стол, и как-то обреченно вздыхает:

– Алиночка, если вы будете с таким усердием подходить к делу и пытаться вылепить из каждой картофелины бриллиант, то обедать мы будем примерно послезавтра. – Он перехватывает мою руку с ножом, берётся за ручку и плавно смещает меня своим бедром. – Давайте я займусь этим, а вы нашинкуйте пока капусту.

– Хорошо, – с облегчением выдыхаю я.

Мне кажется, что резать капусту куда проще, чем чистить картошку. Ужас! Ну неужели нельзя было купить сразу очищенную и даже вареную, в вакууме? Я же видела сто раз – такая точно продаётся!

От переизбытка злости хватаю подготовленный огромный нож, с силой втыкаю в кочан капусты и... понимаю, что он застрял.

– Бали-и-ин! – звучно выругиваюсь, дергая глупую ручку туда-сюда, хватаюсь за кочан свободной рукой, чтобы перехватить его покрепче. Чтобы не болтался.

– Алина, стойте! – кричит Александр, но я уже предпринимаю очередную попытку вытянуть нож. И у меня получается. Вот только провожу я острием ровнехонько по своим пальцам.

Секунду, может, даже две не чувствую абсолютно ничего. А потом ровный порез вдоль линий сгибов начинает щипать со страшной силой, и оттуда начинает проступать кровь.

– Ой-ой-ёй! – хнычу я.

Александр мгновенно выхватывает у меня нож, который я так и сжимаю в правой руке, таращась огромными глазами на левую. Отбрасывает его куда в сторону. А меня – тянет в другую, к раковине. Обхватывает руку и сует кровоточащие пальцы под кран с обжигающе-ледяной водой. Сжимает их, выпуская кровь до тех пор, пока она не перестает сочиться. И кажется, только потом выдыхает куда-то мне в висок вопрос, который, впрочем, звучит, как риторический:

– Вы хоть что-то умеете делать?

Я поворачиваю к нему лицо – немного, только чтобы увидеть.

– Да, – отвечаю серьезно. – Я понимаю, что в это очень сложно поверить, но у меня довольно много талантов.

Александр несколько мгновений смотрит мне прямо в глаза, потом его взгляд опускается на губы. Которые моментально начинает покалывать. И которые мне нестерпимо хочется облизать. Что я и делаю.

Он делает несколько частых вдохов, словно накапливает побольше кислорода, протяжно выдыхает всё за раз, отрывается наконец от созерцания моих губ и говорит уже спокойнее:

– Споем это недоразумение на происшествие с участием гуся, вас и яблони.

– И на то, что я не выпалась, – усмехаюсь я.

– Точно, – наконец ухмыляется он после довольно продолжительной паузы. – Сейчас мы перебинтуем ваши пальчики, и вы будете мне помогать с готовкой дальше... – Он осматривается по сторонам. – Поднос, Алина. Возьмите поднос и носите в мангальную зону то, что я буду чистить, резать и шинковать. Уверен, он причинит вам минимум вреда. Только...

Он замолкает. В его глазах пляшут черти, и я поторапливаю:

– Только – что?

– Только прошу вас, не уроните его себе на ноги, а то еще пальцы отобьете! – самодовольно завершает он.

Я поджимаю губы.

– Постараюсь.

Когда с основной частью приготовлений покончено и все овощи болтаются в бульоне в глубоком казане, напоминающем больше ведьмовской котелок, я откладываю деревянную ложку на длинной ручке на стол и пячусь в сторону дома.

– Далеко собрались?

Александр стоит ко мне спиной, поэтому я вздрагиваю от его вопроса. Каким таким шестым чувством он почувал, что я хочу улизнуть отсюда?

“Хочу прихватить свой колпак, а то зелье варить неудобно”, – проносится в голове очередная колкость. Но вслух я говорю, конечно, другое.

– Да я это... – мнусь, пытаюсь сообразить, что бы в очередной раз соврать. – В уборную схожу и вернусь, ладно?

Александр оборачивается. Я быстренько придаю лицу максимально безобидное выражение, и он хмыкает:

– Ладно.

Удаляюсь, пятой точкой ощущая его пристальный взгляд. Иду неторопливо, плавно покачивая бёдрами. Надеюсь, ему нравится открывающийся вид!..

– Корова! – неожиданно кричит Александр.

Я оскорбляюсь до глубины души, оборачиваюсь, чтобы высказать ему пару ласковых, но застываю с открытым ртом.

Он смотрит не на меня. А куда-то в сторону большой поляны.

И снова кричит:

– Корова сорвалась, Сём! Щас цыплят потопчет! – А потом и вовсе срывается и бежит туда. Видимо, вечный синдром спасателя ни на секунду не позволяет расслабиться. Во дела!..

От сердца отлегает, и я продолжаю свой путь.

Дома сразу кидаюсь в свою комнату и высовываюсь в окно. Пробую загрузить страничку, но интернета нет. И тогда мне на ум приходит просто гениальная идея: а что, если попробовать с чердака?

Да, я, конечно, помню, что Александр запретил мне к нему приближаться, но, во-первых, я быстренько – одна нога здесь, другая – там, ну, или наоборот, что вероятней. А во-вторых, сам он сейчас сильно занят спасением цыплят, а потому и вовсе не успеет заметить мою оплошность.

Так думаю я, когда подбираюсь к люку в потолке, и продолжаю думать, когда отыскиваю стоящую у дальней двери стремянку и тащу её ко входу на чердак. И даже когда карабкаюсь по ней наверх и с трудом открываю дверцу, думаю.

А потом я оказываюсь в просторном помещении под крышей, где ровными рядами выставлены различные стройматериалы – как на мини-складе или типа того. Но они меня занимают мало. Что я, стройматериалов никогда не видела?..

Я снова и снова нажимаю “обновить страницу”, продвигаясь ближе к окну. А когда начинается долгожданная загрузка, едва ли не танцую победный танец.

Быстро – ну как быстро? Насколько позволяет скорость мобильного интернета, – пролистываю новости минувших дней, но там ничего нет о страшной находке в моей квартире.

“Неужели Толика до сих пор не нашли? – холодея, думаю я. – Этот скунс, прости Господи, скоро совсем завоняет!”

Мне никогда потом не выветрить трупный запах. Придётся продавать квартиру!..

“Ты, верно, спятила, идиотка? – тут же перебиваю свой внутренний голос. Или он меня, не понимаю так сходу. – Тебя же посадят, как пить дать! Вот только найдут Толика, сразу отыщут и тебя. Так что пусть себе лежит там как можно дольше, да хоть обвоняется!”

Подумываю, не позвонить ли своей помощнице, но всё же не решаюсь. Вдруг это только в новостях ничего не написали? Всё же не такого уж и высокого полёта этот павиан недоделанный. Так что я отбрасываю эту идею куда подальше.

Но пока есть интернет, скачиваю первое попавшееся приложение с рецептами и открываю его. Пролистываю парочку, особо не вглядываясь в текст. Картинки кажутся несложными, и я решаю, что полдела сделано. А раз так, можно так же тихонечко улизнуть отсюда.

Возвращаюсь обратно к люку, пачусь задом, осторожно наступая на ступеньки. Вдруг нога каким-то образом соскальзывает с одной, и я скольжу вниз, пытаюсь ухватиться руками по бокам стремянки. Но терплю поражение. Перебинтованные пальцы сгибаются так себе.

Мысленно прощаюсь с зубами, возможно, с идеальной формой носа, закрываю глаза... Но тут меня подхватывают чьи-то руки.

Не хочу видеть чьи.

Хочу оставаться в блаженном неведении.

Но грубый голос Александра, которого я, впрочем, сразу узнаю по запаху, торопится получить объяснения:

– И какого же черта, Алина, вы полезли туда, куда я строго-настрого запретил вам заходить?!

Глава 8

Алина

Мужчина убеждается, что я твёрдо стою на ногах, и только потом разворачивает меня за плечи лицом к себе. Я лихорадочно соображаю, что бы ему ответить, но, как назло, ничего толкового не лезет на ум. А потом до меня доходит: я же могу просто сказать ему правду!..

И уже собираюсь ту самую правду озвучить, как он зло бросает:

– Всего одна вещь! Одна! Которую я настрого запретил вам делать! Но вы и тут умудрились облажаться! Знаете что, Алина? Собирайте вещи и на выход. Очевидно же, что никакой испытательный срок вы не пройдёте!

Его слова накладываются на мою усталость, и эта гремучая смесь вызывает не горькую обиду, а яркую вспышку злости, и я, тыча в его грудь пальцем, начинаю отчитывать:

– Да что б вы знали, Александр, великий и ужасный, вы сами – вы и только вы! – виноваты в том, что я полезла на этот чёртов чердак! И в том, что вам пришлось снимать меня с дерева, виноваты тоже только вы! Вот так-то!

Опешив, он уточняет:

– Поясните!

И снова тычу в него пальцем:

– Я же спрашивала у вас, какая связь в доме ловит лучше всего! Вставила симку, и что?

– Что?

– И ничего! Нет в вашем дурацком домике в деревне никакого мобильного интернета! Я и на поляну большую ходила, и даже на дереве когда сидела, пробовала поймать интернет! И высовывалась в окно в своей комнате! И ничего! Не ловит он! Вот и полезла на ваш запретный чердак – ну чем чёрт не шутит, в конце концов! – Я снова ударяю пальцем в его грудь, но тут он перехватывает мою руку, и я продолжаю уже совсем не так уверенно: – И всё получилось. Я загрузила свое любимое приложение с рецептами.

Даже показываю ему в качестве доказательств экран телефона.

Он смотрит в него и читает:

– “Закрытый капустный пирог”...

– Вот! – подтверждаю я. – Никакого криминала!

– М-м-м, – тянет Александр, словно у него головная боль. Или заныли все зубы разом. – Теперь всё предельно ясно.

– И я могу не собирать свои вещички и не отправляться на выход? – уточняю у него с надеждой.

Он поджимает плотные губы, как будто сейчас рассмеется.

– Получается, что так. – Усмешка всё же слетает с его губ, и он добавляет: – Только, Алина, бога ради, не нужно больше лазить по деревьям, высовываться в окна и карабкаться на чердак, убьётесь ведь. А это совершенно ни к чему. В доме есть вай-фай. Давайте я лучше вам его подключу.

С этими словами он ловко выхватывает у меня телефон и начинает искать настройки. Я открываю рот, но не произношу ни звука. Так и стою, чуть шевеля губами как рыбка. А потом, не выдержав всех этих приключений сего дня, неожиданно для самой себя – и для Александра, конечно, – начинаю бессильно плакать.

Это не истерика, не рыдания взхлёб. Просто тихие, молчаливые слезы, которые катятся из глаз, собираясь в огромную каплю на подбородке. Я устала. Смертельно, невыносимо устала. От переживаний, смены условий, тяжкого бытового труда, вечного стресса.

И Александр, поднимая взгляд от телефона обратно ко мне, замечает мои слёзы и хмурится сильнее, чем обычно.

Неловко утирает мой подбородок ладонью, смахивая скопившиеся слезы, и тихо говорит:
– Не разводи сырость. Я понятия не имею, как тебя утешать.

Но у него получается прекрасно. Ведь в следующее мгновение он просто порывисто притягивает меня к себе, позволяя уткнуться лицом в его широкую, крепкую, словно стальную, грудь, обвивает мое тело руками и гладит спину подрагивающими пальцами.

В конце концов я поднимаю заплаканное лицо и мгновенно натыкаюсь на внимательный, серьезный взгляд карих, почти черных глаз.

– Лучше? – хрипло спрашивает Александр.

– Да, спасибо, – отвечаю, испытывая стыд. – И спасибо за это.

Мягко отстраняюсь от него, чувствуя холод и... пустоту. Внезапное наваждение вспыхивает в сознании, и я вдруг остро понимаю, что хочу, чтобы он меня поцеловал. Сам.

Но мужчина лишь вежливо кивает:

– Всегда пожалуйста. – А помолчав немного, добавляет: – Знаете, что я думаю, Алина?

– И что же? – замороженно переспрашиваю у него. В голосе снова звенят игривые нотки, я улыбаюсь, позабыв, что сейчас не в лучшем виде.

– Думаю, что вы можете пока пойти и немного отдохнуть. Пока я закончу готовить обед, вы полежите, приведете себя в порядок, а потом мы пообедаем, и у вас будет достаточно сил на приготовление этого вашего... кхм... капустного пирога. Только – чур! – капусту вам нашинкую я сам. Достаточно на сегодня происшествий.

Александр с улыбкой легко подталкивает меня в сторону комнаты, и я вынужденно делаю шаг, второй, третий. Он провожает меня до самой двери, а я всё думаю: ну что же ты такой упёртый? Настоящий мужлан!

Даже немного разочарована. Начал ведь так правильно, утешал... Мог бы и продолжить. Поднять немного настроение мне и себе. Неужели не видит, что я совсем – совсем! – не против?

– Отдыхайте, в общем, – торопливо завершает он. – Примерно через час будем обедать.

Я смотрю в его напряженную спину, спешно удаляющуюся от меня, и думаю: “А может, и видит. Да только интереса взаимного не испытывает.”

От досады хлопаю дверью сильнее необходимого и обрушиваюсь на кровать. Утыкаюсь лицом в подушку, но слышу только мужской запах, от которого свербит в носу, а рот наполняется слюной.

Как же чертовски приятно хоть на минуточку ощутить себя слабой женщиной в сильных мужских руках!.. Я мечтательно вздыхаю, переворачиваясь на спину, и весь выделенный мне Александром час таращусь в окно, на плывущие облака, на пролетающих в небе птичек. Этот вид привносит немного умиротворения в мой мир. Исцеляет. Заставляет позабыть о страхах. Даже о непредумышленном убийстве мужа в состоянии аффекта заставляет забыть. И через час я снова полна сил.

Привожу себя в порядок, наношу легкий макияж, думаю сменить футболку. Открываю шкаф и вспоминаю, что забыла подсунуть в шкаф Александра новую рубашку.

Но внизу уже слышатся мужские голоса на кухне, а значит, время, чтобы остаться незамеченной в очередной провинности, упущено. И я снова прячу пакет с мужскими рубашками и спускаюсь к обеду.

Александр сам наливает мне тарелку щей. То ли опасается, что я переверну огромный котелок этого чудного зелья на пол, то ли – что на себя. А может, и вовсе просто хочет поухаживать за мной. Но, как бы то ни было, он вручает мне тарелку и огромный ломоть хлеба и усаживает за стол.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

Семён, уплетающий за обе щеки, вдруг выдаёт:

– Кто не работает, тот не ест.

Я возмущенно подскакиваю, чтобы сказать ему что-нибудь нелестное, но Александр мягко надавливает мне на плечи, чтобы я опустилась обратно на стул.

– Алиночка хорошо поторговалась на рынке, а потом помогала с готовкой. Ещё и обещала на ужин нам испечь пирог. А ты, Сёма, ежели чего не видишь, так к окулисту сходи. Или, на крайний случай, у меня спроси.

Несмотря на шуточный тон, мне чудится в его голосе если не прямая угроза, то предупреждение, и по коже рассыпаются мурашки. Как же это приятно, боже! Ещё одна маленькая крупинка моего сердца, кажется, навсегда покоряется им...

“Ну ты и идиотка, – внезапно звучит мой внутренний голос, холодный и деловой. – Потекла лужицей из-за какого-то деревенского простофили!”

Но я лишь фыркаю себе под нос и начинаю есть.

После смерти папы мне пришлось взвалить все дела на свои плечи. Обо мне никто не заботился, даже Толик. И за эти несколько дней, что я здесь, Александр проявил ко мне столько терпения, мужественности и заботы, сколько ни один мужик до встречи с ним. Я даже не знала, что так бывает. Что такие ещё существуют. В мире бизнеса и больших чисел мне такие не встречались, возможно, просто не везло, но всё чаще были только те, кто втопчет в землю, словно вошь, и не заметит. Или те, кто хочет тупо присосаться и качать из меня деньги, будто я нефтяная скважина. А он, Александр... Он настоящий.

К слову, он как раз заканчивает с едой, ставит тарелку в раковину и... Начинает резать капусту. Потом чистит и нарежает лук, трет морковь. А когда с этим покончено, чуть наклоняется ко мне и тихо говорит:

– С начинкой я вам немного помог. С тестом, надеюсь, проблем не возникнет. – На мгновение задумывается. – Точно не возникнет. Если что, я во дворе.

Я не успеваю ничего ответить, как он стремительно выходит из кухни. Кажется, у меня поднялось давление! Иначе почему так горит лицо?

Прикладываю к пылающим щекам ладони и протяжно выдыхаю. И только сейчас замечаю Семёна, который сидит с открытым ртом и пялится на меня.

А потом он отмирает, флегматично вытирает рот рукавом, поднимается, шмякает тарелку в раковину и заявляет:

– И чё я бабой не родился? Тоже не пришлось бы работать. Тоже бы из хозяина веревки вил.

И покидает кухню, показательно громко топая по полу.

Я издаю смешок. Тихий и осторожный. Потом ещё один. А потом уже несдержанно начинаю хохотать в голос.

Благо, в доме я осталась одна и никто не станет свидетелем моей истерики!

Закончив перемывать посуду, я открываю пресловутое приложение с рецептами, и на экране возникает фотография красивого, ровного, золотистого пирога. Я клацаю на название и читаю рецепт. Всё расписано пошагово, даже у меня, полной неумехи на кухне, не возникает вопросов. А памятуя про свою хваткость и упертость, даже не сомневаюсь: сейчас я быстренько состряпаю пирог ничуть не хуже!

Рыскаю по шкафчикам, выставляя все необходимые ингредиенты на стол, и приступаю.

– Так, – проговариваю себе под нос, – “смешайте в глубокой миске стакан теплого молока, столовую ложку сахара и быстродействующие дрожжи, перемешайте и оставьте отдохнуть в теплом месте минут на пятнадцать...”

Теплое молоко – это сколько градусов? Неужели так сложно написать?

Я наливаю стакан молока и ставлю в микроволновку. Выставляю время – тридцать секунд. Поразмыслив, добавляю ещё тридцать. Итого – минута. Со скучающим видом смотрю

как в светящемся окошке по кругу катается стакан, и вздрагиваю, когда микроволновая печь “дзынькает”, оповещая меня, что время вышло.

Выливаю в большой стеклянный салатник молоко. Вскрываю пакетик дрожжей. Хмм, а их-то сколько нужно?

Перечитываю еще раз. Столовую ложку? Пакетик? Половину? Вот почему бы не писать свои рецепты понятнее?

Пока и так, и эдак кручу телефон, случайно пролистываю наверх и замечаю в самом низу список необходимых ингредиентов и их граммовок. “После описания рецепта? Вы серьёзно?..”

Но там написано то, что мне необходимо: одна чайная ложка с горкой дрожжей. И я от души насыпаю их в прибор, пока “горка” не начинает рассыпаться в молоко, над которым я держу ложку. Высыпаю все разом. Туда же отправляется столовая ложка сахара, и я перемешиваю содержимое миски той же ложкой.

Фух, вроде и не сделала ничего, а уже утомилась. Но “отдохнуть” в теплом месте почему-то должна смесь, а не я.

– Так, читаем дальше: “пока наша смесь подходит, начинаем готовить начинку: лук и морковь очищаем. Лук нарезаем кубиками, морковь натираем на мелкой тёрке...” – Я внимательно изучаю оставленные Александром мисочки и тарелочки и констатирую: – Это у нас есть. Дальше: “шинкуем капусту...” Имеется! “На разогретой с растительным маслом сковородке обжариваем лук с морковью до золотистого оттенка, примерно пять минут...”

Бросаюсь к шкафчику за сковородкой, ставлю на газ. Беру из бутылочки бутыл с маслом и лью. Сколько лить, я не знаю, поэтому жду, пока не покрывается полностью дно сковородки.

Жду немного, высыпаю лук и морковь, помешиваю лопаткой. Отхожу к столу, где лежит телефон, и читаю дальше:

– “Добавляем капусту, обжариваем на среднем огне примерно 5 минут, добавляем соль, перец по вкусу и две-три столовых ложки воды. Перемешиваем, накрываем крышкой и тушим на маленьком огне до готовности...”

Задумываюсь: до готовности – это сколько? Но долго размышлять не получается. До меня доносится запах чего-то горелого.

Я бросаюсь к сковородке, торопливо мешаю лопаткой лук с морковью и замечаю, что местами они почернели. Хмм, ни разу не золотистый цвет, но, думаю, готово.

Высыпаю в сковородку капусту, перемешиваю лопаткой ещё раз. При этом часть содержимого сковороды рассыпается в разные стороны. На плиту, на столешницу и даже на пол. Я отматываю бумажные салфетки и быстренько убираю беспорядок. Смотрю на время, засекая пять минут, потом добавляю соль. С перцем выходит загвоздка: я трясу перечницу, но крышка неожиданно отваливается и всё содержимое падает на капусту.

Конечно, я не профи, но почему-то уверена – это будет перебор. А потому беру ложку и аккуратно собираю излишки перца, сбрасывая его прямо в раковину. От усердия пыхчу как паровоз. Когда наконец завершаю с этим возиться, лоб вдоль линии роста волос весь мокрый от пота.

Умываюсь холодной водой прямо тут же, наклонившись к раковине, глубоко вдыхаю, чтобы перевести дух. Вдруг чувствую, как в носу начинает свербить от чего-то острого, пряного, и...

– А-а-а-апчхи! – громко чихаю я. Вокруг меня поднимается облачко серой пыли, и я торопливо отскакиваю от раковины. Вытянутой рукой хватаю губку для мытья посуды и протираю раковину от остатков молотого перца.

Снова пахнет жареным, и я бросаю всё, устремляясь к сковородке. Перемешиваю содержимое, лью воду из графина, уже игнорируя ложку и какие-либо дозировки, действую “на глаз”, как говорится. Накрываю сковородку крышкой, убавляю огонь до минимума, выключаю воду

и наконец сажусь за стол, чтобы немного перевести дух. Кошмар, как люди постоянно что-то готовят? Просто как?!

Сколько так сижу, не знаю. Поднимаюсь, чтобы проверить пришла ли капуста в “полную готовность”, перемешиваю лопаткой, ничего, впрочем, не понимая. И тут резко замираю с лопаткой в руках.

Моя дрожжевая смесь для теста!..

Пятнадцать минут давно минули, а я совсем забыла про неё!

Отбрасываю лопатку в сторону – хрен с ней, с капустой, пусть ещё потушится! И бросаюсь к другому столу.

С осторожностью заглядываю в миску: молоко покрылось бугристой пеной. Я не знаю, нормально это или нет. Снова гуглю.

– “... означает, что дрожжи поднялись”.

Выдыхаю с облегчением. Дрожжей был только один пакетик, поэтому я рада, что мне не придется выливать молоко и начинать всё заново.

Возвращаюсь к рецепту:

– “В глубокую миску разбиваем яйцо, добавляем соль и растительное масло... – читаю и тут же закидываю всё это в миску с дрожжевой смесью. Теперь, когда я освоилась в приложении, знаю, где смотреть граммовки, дело идёт веселее. – Перемешивайте до однородности”.

Я беру ложку, помешиваю, но внезапно меня осеняет, что вилкой мешать будет удобнее. И так действительно лучше выходит.

Перехожу к следующему пункту:

– “Затем добавьте в миску дрожжевую смесь...” А, так нужно было в другую миску, что ли? Да ладно, – отмахиваюсь я. – И так сойдёт. От перемены мест слагаемых, как известно, сумма не меняется. Поехали дальше: “...перемешиваем и добавляем сто шестьдесят граммов муки – один стакан объемом двести пятьдесят миллилитров...” И откуда мне знать, в каком из стаканов такой объем?!

Тяжко вздыхаю. Потом снова открываю поисковик и набираю: “сколько граммов муки в столовой ложке?” И тут же получаю ответ: “в столовой ложке без горки примерно двадцать граммов муки”. Отлично.

Я беру упаковку муки, вооружаюсь столовой ложкой и отсчитываю восемь ложек, стараясь не набирать их с горкой. От внимательности и усердия чуть ли не язык высываю, чтобы не сбиться и не напортачить.

– “Перемешиваем, чтобы не было комочков, – читаю дальше и начинаю активно бултыхать вилкой. – Постепенно добавляем остальную муку и замешиваем тесто”.

Я так боюсь ошибиться с необходимым количеством, что решаю добавить сразу всю оставшуюся муку. И совсем скоро вилка напрочь вязнет в этой каше, и я не представляю, что ещё можно предпринять.

Обращаюсь снова к возможностям интернета. Так... Тестомешалки у меня нет, но на ум приходит просто гениальная идея. Я знаю, чем можно вымесить тесто.

Перемешиваю капусту, а затем бегу в комнату. Роюсь в чемодане и наконец извлекаю из его недр “пингвинчика”. Свою игрушку. Он, конечно, не предназначен для теста, но вибрирует на разных частотах, так что... Да почему нет?

За ним я трепетно слежу и ухаживаю. Но всё равно иду в ванную, мою хорошенько с мылом и обрабатываю антисептиком. После чего ещё раз мою с мылом, вытираю чистым полотенцем и спешу вниз.

На кухне уже вовсю дымится сковородка с капустой, и я выключаю её. Надеюсь, теперь точно готово!

Включаю свою игрушку и медленно опускаю в тесто. Смотрю, как под воздействием вибраций оно начинает плавно колыхаться, и радуюсь. Ну какая я молодец! Как ловко всё обстряпала!..

– Ну, как дела? – гроыхает за спиной голос Александра.

Я подпрыгиваю на месте, автоматически пряча свой “инструмент” за спиной, поворачиваюсь к нему.

– Всё прекрасно, – сообщаю с широкой улыбкой.

– Да? – с сомнением осматриваясь по сторонам, протягивает он. – Ну раз так, то хорошо.

Он заглядывает в миску с тестом, потом в сковородку. Удивленно хмыкает себе под нос что-то вроде: “И не спалила?”

Потом прислушивается. Видимо, слышит гул от вибраций, и спрашивает:

– Что это там у вас? Миксер?

– Угу, – киваю я, не собираясь его переубеждать.

– Ну что же вы, Алина. Он может сломаться, увязнет и перегорит, будьте осторожны, – мягко журит он меня. – Такое тесто лучше вымешивать руками.

– Х-хорошо, – послушно соглашаюсь с ним. – Так и поступлю.

– Вот и умница, – говорит он и убирается.

Я выдыхаю. Отключаю вибратор. Бросаю его в раковину.

С сомнением тычу пальцем в прохладную вязкую массу, испытывая отвращение. Но делать нечего – нужно довести дело до конца руками, раз мой “дружок” не состоянии справиться с задачей.

Хихикая себе под нос от двусмысленности этого изречения, я ополаскиваю свой аппарат, прячу с глаз долой, пока никто не заметил. А потом наконец запускаю руки в тесто и начинаю его мять.

Не так-то это и просто, скажу я вам! Противная, вязкая масса налипает на пальцы, и вскоре большая часть содержимого миски, кажется, концентрируется на моих руках. Я сдуваю волосы, налипшие ко взмокшему лбу.

– Да это ерунда какая-то, а не тесто! – воплю на весь дом.

В окне появляется голова Александра. Меня он там пасет, что ли?!

– Какие-то проблемы? – интересуется он.

– Вот! – жалуясь ему, поднимая руки с налипшим тестом. – Никак не пойму, что не так. Почему оно не отлипает от пальцев, не формируется в один комок... Я же всё делала по рецепту, точно-точно...

От досады и усталости мне хочется плакать, но я держусь. Иначе, чувствую, мужчина выставит меня вон задолго до возвращения хозяина.

– Мало муки добавили, – изрекает Александр, едва поняв суть проблемы.

– Но в рецепте...

– В рецепте так, а у вас – чуточку иначе, – спокойно поясняет он. – Зависит от мерного стакана, размера яйца и многих других факторов. Вы, главное, не переживайте, Алин. Добавляйте понемногу муки и вымешивайте. И оно обязательно дойдёт до нужной консистенции. Только не делайте слишком плотным. Оно должно быть мягким и не приставать в руках, иначе не поднимется.

Для меня его слова звучат как тарабарщина какая-то. Но неожиданным образом успокаивают и вселяют оптимизм. И я киваю:

– Спасибоочки, Александр! Вы вот сейчас сказали, и до меня дошло: ну точно, еще немного муки не помешает!

Он улыбается и исчезает из оконного проёма. Я поворачиваюсь к пакету с мукой и сталкиваюсь с очередной проблемой: брать ложку руками в тесте или помыть руки?

– Ага, – бубню себе под нос. – Давай ещё смой половину теста!

В итоге я не нахожу способа лучше, чем взять ручку ложки в рот, кое-как загрести мучицы и аккуратненько перенести её в миску. Делаю так пару раз, снова мну вязкий комоч пальцами и повторяю этот процесс.

Уже несую во рту вторую ложку с мукой, как позади раздается странный свист. От неожиданности дёргаюсь, ложка подпрыгивает, всё содержимое, как на катапульте отправляется прямоком на моё лицо. В следующий момент ложка падает, громко бряцая по плитке, а я фырчу и отплеываюсь от муки.

Она, кажется, везде: в глазах, в носу, во рту. Я пытаюсь утереть лицо кое-как предплечьями, чтобы не измазаться еще и тестом.

Вдруг мне на плечо ложится рука, и Александр мягко говорит:

– Давайте я помогу вам.

Он вытирает моё лицо полотенцем, трёт аккуратно и бережно, чтобы не причинить боль и не повредить тонкую кожу.

– Промыть вам глаза? – спрашивает тихо. Я часто киваю.

Он направляет меня к раковине и вынуждает наклониться, надавливая на поясницу. Движение это выходит не грубым, но требовательным, властным. От внезапного, простреливающего желания кружится голова, но в следующее мгновение ледяная вода мгновенно остужает мой пыл.

– Вот так-то лучше, – приговаривает мужчина. Тянет меня за локоть, чтобы поднялась, и я послушно выпрямляюсь. Он тщательно вытирает мне насухо лицо.

Открываю глаза и натыкаюсь на чернящие глаза Александра. Чрезвычайно серьезные. От вида их почему-то пересыхает во рту.

Как в замедленной съёмке наблюдаю, что его рука взмывает в воздух, тянется к моему лицу. Большой палец касается моей нижней губы, трёт по ней, надавливая, заставляя приоткрыть рот.

– Вам нужно прополоскать рот, кажется, у вас там тоже формируется тесто, – слышу сквозь оглушающее биение своего сердца.

Что, блин?!

Шарахаюсь от его руки, словно она может меня обжечь. Склоняюсь над раковиной, набираю полный рот воды и выплевываю.

– Спасибо за помощь, – чеканю холодно, выпрямляясь. – Но позволю себе заметить, что это снова произошло по вашей вине. Если бы вы ходили чуть громче, я бы не перепугалась до чёртиков и не обсыпала бы себя мукой.

Он поднимает руки, словно сдаётся.

– Каюсь, водится за мной такой грешок. Впредь постараюсь быть внимательней и не появляться словно из ниоткуда.

– Благодарю, – бросаю равнодушно. – В качестве извинения, так и быть, можете помочь мне с мукой.

Он усмехается:

– Так и быть, раз уж вы согласны принять мою помощь в качестве компенсации, давайте уже закончим с тестом!

– Вы, Алина, насколько я могу судить, совсем не фанатка домашнего хозяйства, – с блуждающей улыбкой замечает Александр, глядя, как я отмываю руки и выковыриваю тесто из-под ногтей.

Тесто я в итоге кое-как вымесила. Хотела так и бросить миску, но мужчина подсказал, что ее лучше накрыть полотенцем и поставить в тёплое место – поближе к батареям. А я уже

настолько заколебалась с этой готовкой, что даже не перечила и не проверяла в рецепте, просто сделала, как он велел.

А теперь Александр стоит рядом и с любопытством разглядывает меня.

– Да как-то так вышло, что рано пришлось начать работать, поэтому ведение домашнего хозяйства немного обошло меня стороной, – осторожно говорю ему. И торопливо добавляю: – Но работать я люблю. Как и справляться с трудностями. Поэтому освою все необходимые навыки. Вам не о чем беспокоиться.

Он окидывает кухню, по которой словно сам Мамай прошел, и хмыкает:

– Не сомневаюсь в вашем упорстве.

Мне чудится в его тоне сарказм, и это бодрит. Я же назло сделаю теперь, такой вот у меня характер.

Но я прикусываю язык и не лезу в очередной спор. Улыбаюсь:

– Очередное спасибо вам, Александр. За помощь и за доверие.

Он зыркает на меня своими глазами, практически гипнотизирует несколько мгновений, а потом кивает. В его взгляде я не могу разобрать ничего.

– Доделаю свои дела, раз тут остались мелочи.

Резко разворачивается и уходит, оставив меня в одиночестве посреди учиненного мной же беспорядка.

Пока тесто “отдыхает” – и когда оно, блин блинский, успело так устать, если это я его месила, а не наоборот?! – возле батареи, я навожу порядок. А потом сажусь за стол и смотрю несколько видео подряд, как слепить из теста и начинки пирог – почему-то предчувствую, что ничего “легкого” и “простого”, как заверяют меня авторы роликов, там нет.

На первый взгляд всё кажется довольно простым.

“Посыпьте поверхность мукой, разделите тесто на две половины. Одну раскатайте пластом, сформируйте стенки, выложите начинку. Раскатайте вторую половину, нарежьте на полоски, накройте начинку, формируя полоски в виде косички или плетёнки.”

Я быстро расправляюсь с тестом, разрезая его пополам. Посыпаю стол щедро мукой, отыскиваю в недрах ящиков скалку, шмякаю пухлый мякиш посередине стола и провожу по нему скалкой. Тесто чуть растягивается и снова стремительно сжимается.

– Нет-нет-нет, дружок, – упрашиваю я, – давай-ка ты нормально тут растянешься. Без вот этих вот штучек.

Но при следующем прокате скалкой оно снова торопится сжаться, и я обреченно вздыхаю. В итоге минут через двадцать мне удастся кое-как раскатать его в подобие прямоугольника, хотя оно больше напоминает кривоугольную трапецию. Я вздыхаю, загибаю края кверху, щедро высыпаю целую сковородку капусты... И жирный сок от нее растекается во все стороны. Да и фиг с ним!..

Сдвигаюсь на другую сторону стола, посыпаю еще муки, мучительно раскатываю вторую половину. Режу ножом на кривоватые неравномерные полоски, старательно прилепляю к основе из теста с одного края, что-то там перекручивая местами, стараюсь сделать хоть жалкое подобие плетения. Дохожу до другого края основы, чуть тяну, прищипывая пальцами для склеивания, и... Полоски отлепляются сверху. Чертыхнувшись, я снова приклеиваю их и перехожу дальше. Чертово жирное от масла тесто соединяется с трудом, и я приляпываю его кое-как, лишь бы было. Думаю, когда оно запечется, всё равно же будет держаться, так ведь?

Закончив собирать свой первый в жизни пирог, я включаю духовой шкаф и сталкиваюсь со следующей задачей: а как, собственно, мне перетянуть теперь это чудо кулинарного искусства на противень?

Расстилаю пергамент, ставлю противень на стол, максимально близко к сырому пирогу. Пытаюсь его поднять, но он подозрительно тянется, так и норовя лопнуть где-то посередине и выпустить наружу всю начинку.

– Ой-ёй-ёй! – шепчу я. – Да ты, блин, угараешь!

Торопливо опускаю его на стол, чуть сдвигаю руками края, чтобы восстановить первоначальный вид. Застываю над ним, усиленно соображая, что мне делать.

Но я буду не я, если в конечном итоге меня не посещает гениальная мысль. В конце концов, у меня фирма, связанная с продажей товаров для стройки и ремонта, или где? Припоминаю, как завскладом Михалыч как-то раз самостоятельно грузил огромные рулоны линолеума, подкладывая грузовые паллеты и перекатывая на них неподъемные валики. Их-то он уже потом поднимал погрузчиком, да и дальше уже не суть важна. А вот способ такой можно и попробовать.

Поэтому я подхватываю пергамент, максимально подсовываю один край под пирог. А потом ловко перекатываю его на бумагу для выпекания. Тесто чуть сминается, деформируется, искривляется, но я чуть ли не плакать готова от облегчения.

Остается такая малость! Я аккуратно и осторожно приподнимаю бумагу, растягивая края, чтобы середина не особо провисала и не порвалась от тяжести, переношу пергамент с пирогом на противень, выравниваю по центру и отправляю в духовку.

“Выпекать примерно 30 минут до готовности пирога”.

Аллилуйя. Я справилась.

Слушая, как гудит духовой шкаф, сижу перед ним, не сводя взгляда с пирога. Он... расползается. Тесто поднимается, местами рвется, начинка вытекает наружу. Я расстроена до глубины души. Хочется шмякнуть его в мусорку, не дожидаясь провального финала, но лишь природное упрямство не позволяет мне этого сделать.

Примерно через полчаса я приоткрываю створку и тыкаю вилкой в верхушку теста, немного отрываю край и внимательно смотрю. Оно выглядит, скорее, как булка, чем как сырое тесто, поэтому я решаю, что пирог готов. Выключаю духовку, жду, пока немного остынет.

К моменту, когда я собираюсь достать пирог и снять с него пробу, пока никто не видит, на кухне материализуются Александр и Семён. Делать нечего, поэтому я с важным видом натягиваю прихватки, достаю противень...

– Н-да, – протягивает Семён. – Выглядит как-то... неважно, я пожалуй, рискнуть не буду, щи поем. Пироги печь – это вам целая наука, а не глазки строить.

Я застываю с противнем в руках. Хочется хорошенько шваркнуть им по голове этого тупоголового увальня. Но сильнее – хочется плакать. Да, он не идеально выглядит, совсем не так, как на картинке. Но я мучилась с ним несколько часов, можно же было и промолчать?..

– Сём, – рвано выдыхает Александр. – Иди-ка ты... птицу загони.

– Да я после ужина, Сан Вованыч.

– Сейчас, – режет сталью Александр.

Возникает в поле моего зрения, с легкостью выхватывает противень и ставит его на плиту. Деловито нарезает пирог, накладывает кусок на тарелку, достает вилку, подцепляет кусочек и отправляет в рот.

– М-м-м, фпалне фкуфна, – говорит с набитым ртом. – Тока гофячо.

Я бросаю на него подозрительный взгляд. Издевается? Набил рот и ждёт, когда я отвернусь, чтобы выплюнуть содержимое?..

Но нет, он ест, даже не морщась. Прожевывает несколько кусков, глотает.

– Знаете, вполне съедобно для первого раза. Тесто выглядит бледноватым, но вы в следующий раз просто смажьте верхушку яйцом и будет золотистая корочка. А так – очень вкусно, спасибо, Алина.

Нерешительно улыбаюсь его словам. Получилось! У меня получилось!

Беру тарелку и тоже накладываю себе кусочек. Пробую.

– О, и правда вкусно! – бормочу под нос.

– А я вам что говорю! – журит Александр с улыбкой. – Вы что же, думаете, стал бы врать и давиться?

– Честно? – спрашиваю со смешком. Хлопаю ресницами, и он смеется:

– Ну да, раскусили. Стал бы. – Мы смеемся, пока он вдруг не говорит: – Но вы молодец. Справились на три с плюсом. Я восхищен.

Я утопаю в его глазах. В этих темных омутках. Вязну, как в густой смоле. Сердце ухает куда-то вниз. Как же приятна его похвала!..

Он ставит пустую тарелку в мойку, подходит ко мне...

– Всё, загнал! – громыкает Семён, и я вздрагиваю. – О, и чё, не отравились?

– Сёма!!! – прикрикивает Александр, огибая меня дугой. – Ты либо щи ешь, либо пирог, но займи уже свой рот едой!

Он убирается с кухни. Я быстро запихиваю в себя остатки пирога, быстро жую, ставлю тарелку и ухожу.

– Эй, а посуду кто мыть будет? – спрашивает мне в спину Семён.

– Вы ешьте, Сёма, ешьте. А после вашего ужина я приду и всё помою.

– А-а-а, ну хорошо, – успокаивается он.

Мне не интересно, что он будет есть. Мне вообще на него до лампочки. У меня есть задача поважнее.

Пока Александра нет в доме, нужно подбросить в его шкаф новую рубашку.

Я бегу наверх, извлекаю магазинный пакет, беру одну. Кое-как распрямляю, снимаю этикетку с ценником. Буквально бегу до спальни Александра. Шныряю в темноте по шкафу, подсвечивая себе экраном телефона, отыскиваю вешалки с рубашками и вешаю на свободную свою. Выбегаю из комнаты, тихо прикрываю дверь, уже собираюсь отходить, как на лестнице слышатся шаги.

– Алина? – удивленно зовет Александр. – Меня ищете?

– Да, – заявляю уверенно.

Поворачиваюсь. Он подходит ко мне. Близко, подпирая к двери. В его взгляде живо мелькают эмоции – от удивления до подозрительности.

– Зачем? – наконец спрашивает он.

Вместо ответа я привстаю на цыпочках, закидываю руки ему на плечи и прижимаюсь губами к его губам.

Он выдыхает... с облегчением? Или это я?

Времени для анализа и раздумий нет. Мужчина с жаром перехватывает инициативу, сжимает мою талию двумя руками, впечатывает меня в дверь. Его поцелуй напористый, дерзкий, нахальный. Язык вторгается глубоко, до самой глотки. Зубы ударятся о зубы. Кончается кислород.

Александр прикусывает, лижет, снова прикусывает губы, язык. Он таранит меня с такой страстью, коей я, кажется, никогда не испытывала. Его руки плавно скользят по моим изгибам, вызывая сладостную дрожь от мурашек, стремительно рассыпающихся по коже от его прикосновений. Я изгибаюсь, льну к нему, и он надавливает на мою поясницу, скользит крепкой ладонью вниз, по изгибу бедра.

Вдруг замирает, напрягается. Отрывается от меня. Пока я ошоловевшим взглядом смотрю на него, он приоткрывает дверь своей спальни, легонько пропихивает меня внутрь... И закрывает дверь прямо у меня перед носом.

Я хочу возмутиться, но слышу вдруг его голос:

– Сём, сейчас умоюсь и пойду убираться в сарае, кормить и поить живность.

– Ага, – флегматично отвечает Семён. – Я тогда пойду потихоньку.

– Ага, ступай, Сём, – соглашается Александр, – начинай без меня. Не маленький, сам всё знаешь.

Выжидает несколько минут, в течение которых я пытаюсь остудить руками пылающие щёки.

Господи, что я творю? Я, верно, спятила. Разве ж можно так влюбиться на старости лет?

“Тебе ещё даже сорока нет, – услужливо подсказывает внутренний голос. – Но кандидатуру можно было бы выбрать и поудачней!”

Да разве ж сердцу прикажешь? Ему разве важны статусы, образования, бизнесы и прочие условности?

Ему важно запинаться при каждом случайном прикосновении, спотыкаться от каждого взгляда, стремительно ухаты вниз во время поцелуя, обмирать от нежности, почуяв случайную заботу, расширяться, мечтать, любить.

И сейчас, когда я стою в темноте в ожидании хозяина этой спальни, мое сердце трепещет в груди, в душе расцветает яркими красками весна, а в животе порхают бабочки.

Александр входит в спальню и плотно прикрывает дверь. Делает шаг ко мне, тут же смыкая объятия.

В вечерних сумерках его глаза чернее ночи. Но сейчас они горят, обжигая меня эмоциями.

“Поцелуй меня”, – проносится мысленно.

А в следующее мгновение он исполняет мою мечту и накрывает мои губы своими.

Глава 9

Александр

Податливые женские губы слишком сладки на вкус. Как шоколад – дорогой, изысканный, в красивой обертке. С нотками вишни. И он плавится – плавится в моих руках.

Я чувствую, что ей нравится. Чувственные стоны срываются в мой алчущий рот, пока я оглаживаю, ласкаю её стройное тело. Алина льнет ко мне так тесно, словно хочет слиться со мной воедино. И я... Я хочу этого.

Мягко подталкиваю её в сторону кровати, не обрывая поцелуев и ласк, и бережно укладываю её на холодное одеяло, нависая сверху.

Её глаза горят тысячами звёзд. Она кусает припухшие от поцелуев губы, и я снова припадаю к ним, как к единственному источнику жизни в этом отрезке времени.

Рукой скольжу вдоль тела, ныряю под домашнюю футболку, касаюсь тонкого кружева белья, и у меня сносит крышу окончательно. Сердце под этим кружевом заходится в частых ударах, совсем как трепещет птичка колибри о тесные прутья клетки.

Алина выгибается навстречу прикосновению, когда я накрываю ладонью её грудь. Отрываюсь от губ, целую их уголок, подбородок, шею, ключицу. Сдвигая своим подбородком ворот футболки, касаюсь губами холмика пышной груди.

Мо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.